

Своя

ноябрь 2019

журнал
Никиты Михалкова

**ЗА СЕРГИЕМ
ШЕЛ ДИОНИСИЙ**
Победа над Смутой:
отстояли Троицу
и спасли Москву

ФОТО: РИА НОВОСТИ

**Четвертый штурм —
он трудный самый**

Почему генерал Ноги
сделал харакири

**«Книжное учение
во вкусе есть сладко...»**

Алектор, анфраз, аранатакоза
пишутся с буквы «а»

Светлая обитель

Дом-музей Елизаветы
Федоровны открыт
для посетителей

В Выставочном комплексе Государственного исторического музея открылась выставка «Час потехи»,

рассказывающая о празднествах, увеселениях и массовых гуляньях в дореволюционной России. Пирры, застоля, балаганы, кулачные бои, катанія с гор, фейерверки, променады, цирки, кино — все эти и некоторые другіе разновидности національного досуга представлены в старинных костюмах и головных уборах, предметах мебели и посуды, хитроумных устройствах, механизмах, средствах передвиженія, аксессуарах для домашних и уличных игр, художественных и фотографических изображениях.

Делу — время

«Посещение крупных городских праздников было важной частью жизни знатных семей, — сообщают устроители экспозиции. — С петровских времен новой формой таких гуляний стал «просветительский сад», а «потешные» детали — одним из важнейших элементов любого торжества. Сумочка-ананас, огурцы для закуски, сделанные из фарфора, фляга-кукиш и кружка, из которой выпрыгивает лягушка, и многие другие забавные предметы, вызывавшие удивление публики столетия назад, не оставят равнодушными и современного зрителя».

Выставка продлится до весны 2020 года.

Москва, площадь Революции, д. 2/3
ст. м. «Площадь Революции», «Театральная»,
«Охотный ряд»

Вход в здание Музея Отечественной войны 1812 года

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

ноябрь 2019

**ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА
ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА**

2	Слово издателя Чтоб запомнить навсегда	26–27	Книжная палата
3–7	Ретроспектива Четвертый штурм — он трудный самый	28–31	На семи холмах Светлая обитель
8–11	Символ веры За Сергием шел Дионисий	32–36	Война и мир Дальновидение для радиозрителей Как в сороковые-пороховые строили Московский телецентр
12–15	Культурная эволюция «Книжное учение во вкусе есть сладко...»	37–41	Русский гений Kalashnikov — звучит доходчиво Он изобрел бы газонокосилку, но АК был гораздо нужнее
16–21	Великие реалисты Игра в классиков Константин Сомов: фантазии на тему галантного века	42–47	Стоп-кадр Единственный, несравненный, оглушающий Вспоминаем Олега Борисова
22–25	Родное слово Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами Первый поэт зарубежья Георгий Иванов	48	Трапезная Они сошлись: и мед, и пламень

Шеф-редактор: Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-76896 от 24 сентября 2019 г.

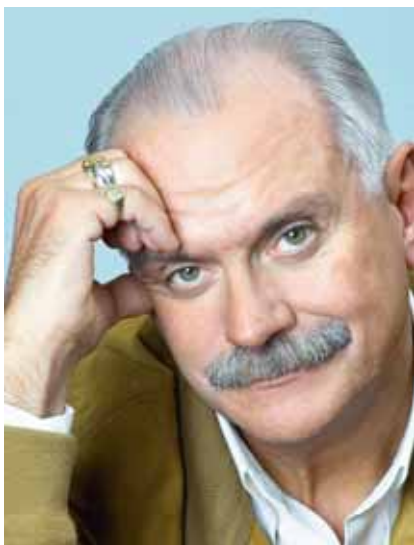
Адрес редакции: 123290, Москва, Шелепихинская наб., д. 8А, эт. 2, пом. 29

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 7661/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 14 октября 2019 г.

Чтоб запомнить навсегда

Вместе с министром культуры России Владимиром Мединским и главой Севастополя Михаилом Развожаевым мы участвовали нынешней осенью в церемонии установки закладного камня на месте будущего памятника. Монумент, который будет воздвигнут в городе русской славы, посвящается окончанию Гражданской войны.

Почему решили установить его здесь? Этому есть множество причин и обоснований. Читатели «Своего» наверняка знают, что именно отсюда, с крымских причалов, уходили в двадцатом году корабли, под завязку наполненные обездоленными, глубоко несчастными, навсегда покидавшими Родину русскими людьми.

В том же 1920-м и позднее «образцово-показательно» лютовали в этих местах Розалия Землячка и Бела Кун со товарищи: тысячами расстреливали пленных офицеров, топили их в баржах на дне Черного моря, изуверски мучили в подвалах Чрезвычайки.

Добрейший, трогательный Иван Шмелев написал о крымских ужасах периода Гражданской свой роман «Солнце мертвых», а удивительный казачий поэт Николай Туроверов оставил нам пронзительные строки: «Уходили мы из Крыма / Среди дыма и огня. / Я с кормы все время мимо / В своего стрелял коня. / А он плыл, изнемогая, / За высокою кормой, / Все не веря, все не зная, / Что прощается со мной. / Сколько раз одной могилы / Ожидали мы в бою. / Конь все плыл, теряя силы, / Веря в преданность мою. / Мой денщик стрелял не мимо, / Покраснела чуть вода... / Уходящий берег Крыма / Я запомнил навсегда».

Самая страшная за всю историю Отечества трагедия охватила в те годы всю страну, каждый русский город, все наши деревни и села. А значит, мемориалы наподобие того, что мы планируем открыть в Севастополе, на мой взгляд, следовало бы установить повсюду. Пусть они напоминают нам о том, чем чреваты в России всеобщие смуты, великие социальные катаклизмы — они просто-напросто ставят русский народ на грань абсолютного небытия.

Нам — как, впрочем, любой нации — увы, свойственно забывать, к чему могут привести государственный хаос, безвластие, чиновничья безответственность в такой огромной державе, как наша. Сегодня мы видим, как изнутри и снаружи пытаются расколоть народ, как делают ошибку за ошибкой и власть имущие, и богатые-знаменитые, и так называемые «представители общественности» — при том, что любая искра, которая разожжет здесь противостояние, может стоить не только России, но и всему миру катастрофы.

Эволюция развития страны намного важнее, безопаснее и глубже, а самое главное, перспективнее, чем любая революция, — эту несложную, в сущности, мысль всем российским политикам давным-давно следовало бы принять как аксиому.

А в дни, когда мы подряд отмечаем две противоположные по смыслу и духу даты — 4 и 7 ноября, — правильные слова о необходимости народного единства должны звучать не как дежурная декларация, а как мудрое, выстраданное нашими предками завещание-предостережение.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'V. Medinsky', written in a cursive style.

Четвертый штурм — он трудный самый

В то время, когда вся Япония чествовала свою 3-ю армию, овладевшую «неприступным Порт-Артуром», ее командующий генерал Ноги Марэсукэ почтительно доложил императору Муцухито о желании совершить обряд сепукку. Микадо запретил: столь вопиющий случай омрачил бы торжество. Однако в 1912 году монаршая смерть позволила Ноги исполнить прежде задуманное. Но совершают ли самоубийство победившие полководцы? Если разобраться в фактах, то непременно откроется: упомянутый военачальник проиграл даже не одно сражение, а несколько — четыре штурма Порт-Артура завершились для него неудачей. Отражение четвертого, наиболее ожесточенного и кровопролитного — одна из самых славных страниц нашей военной истории. Этот подвиг русские воины совершили 115 лет назад, в ноябре 1904-го.

Валерий Шамбаров

В ОЙНА с японцами вызревала давно. В 1895 году Россия вступилась за разгромленный ими Китай, заставила интервентов возвратить захваченные в Маньчжурии области. Получила за это выгодные железнодорожные концессии и право аренды Ляодунского полуострова — здесь стала строиться незамерзающая база для нашего флота — Порт-Артур.

Японцы обозлились, жаждали вернуть утраченное. В одиночку их государству было совсем не с руки заирать Российскую империю, однако позиции русских на Тихом океане, строительство Транссибирской магистрали и КВЖД встревожили Англию и США. Западные державы открыли Японии колоссальный кредит на вооружение, британцы в 1902-м заключили с ней союз.

В России англичане и американцы поддерживали рвавшуюся к власти либеральную оппозицию. С ней тогда связывали некоторых членов правительства, в том числе министра финансов, будущего премьера и автора конституционных реформ Сергея Витте. Если учитывать данные факторы, то возникает вопрос: случайными ли были предвоенные «ошибки» наших государственных деятелей? Взяв в аренду Ляодунский полуостров, русские выплатили Японии гигантскую компенсацию — 400 млн руб. Витте выделял крупные займы и Китаю, но они тоже перетекали японцам (в счет контрибуции), шли на их вооружение.

Для укрепления Порт-Артура наши власти сперва намечали линию фортов по Волчьим горам в 8 км от города. Столичная комиссия составила проект поскромнее: рубежи по высотам примерно в 4,5 км от окраин, длина обводов — 70 км и 70-тысячный гарнизон на защите укреплений. Правительственное совещание и этот вариант отвергло, постановило, чтобы «организация охраны полуострова не являлась чрезмерно дорогой и опасной в политическом отношении», воинский контингент ограничивался уже имевшимся составом в 11 300 человек. Связанный такими указаниями инженер Константин Величко с трудом нашел более или менее приемлемые решения, дополняя ужатую главную линию передовыми опорными пунктами. В итоге сухопутный обвод, где планировалось разместить 552 орудия, составил 19 км. На оборудование крепости выделили 15 млн руб. К началу войны перечислили 4,5 млн. Сумели подготовить оборону с моря, а на сухопутном фронте стояло лишь 8 орудий, укрепления только еще возводили или даже вовсе не начинали. Хотя в то же время Витте отпускал колоссальные средства на строительство торгового порта Дальний, абсолютно незащищенного.

Вид Порт-Артура

Генерал
А. Стессель

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Между тем в неприятельских планах Порт-Артуру уделялось ключевое значение. Ресурсы России и Японии были несопоставимы, но на Дальнем Востоке царское правительство держало весьма ограниченные контингенты, Транссибирскую магистраль не достроили, и враг замышлял разгромить русских, пока они не способны быстро подвозить подкрепления. Спешил обеспечить господство на море, чтобы затем свободно перебрасывать войска на континент. Намеревался немедленно уничтожить I Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре, сохранив при этом силы собственного флота, необходимые для борьбы против русских кораблей с Балтики. То есть японцам надо было брать нашу базу с суши. Их командование знало о неготовности укреплений, предвосхищало легкую прогулку. Даже наступление на полевую Маньчжурскую армию намечалось после того, как падет Порт-Артур и высвободятся брошенные на его штурм войска.

Нападение 27 января 1904 года стало внезапным. В корейском порту Чемульпо погибли «Варяг» и «Кореец», на рейде Порт-Артура посреди ночи японские миноносцы нанесли повреждения броненосцам «Цесаревич» и «Ретвизан», крейсеру «Паллада». Остальные наши корабли заперли в бухте, которую пытались закупорить затопленными судами. Активные действия повел было командующий эскадрой адмирал Степан Макаров, но вскоре его жизнь оборвалась — вместе с гибелью налетевшего на мину флагмана эскадры, броненосца «Петропавловск». Получил повреждения эскадренный броненосец «Победа». Русский флот оказался нейтрализован. На побережье высаживались войска под началом генералов Куроки Тамэмото и Оку Ясукаты.

Командующий Маньчжурской армией Алексей Куропаткин тоже придавал Порт-Артуру важное

значение. Учитывая неравенство сил, считал необходимым усилить гарнизон, чтобы крепость отвлекла на себя как можно больше японцев, покуда на Дальний Восток не поспеют соединения из европейской России.

Уже 23 апреля сухопутное сообщение с Порт-Артуром было перерезано. И все же в город успели завезти артиллерию, подтянуть подкрепления. Численность защитников достигла 38 тысяч. Первый свой подвиг они совершили еще не вступив в бой. Под руководством начальника 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерала Романа Кондратенко (по образованию инженера) солдаты и матросы трудились дено и ношно. Строить приходилось импровизированно, «на живую нитку», и тем не менее по обводам крепости вставали соединенные окопами форты и батареи.

Интенсивные работы имели и обратную сторону — отвлекали личный состав. Навстречу японцам комендант Квантунского укрепрайона Анатолий Стессель смог выслать лишь 4-ю Восточно-Сибирскую дивизию под командованием Александра Фока, да и то она далеко оторвалась от Порт-Артура. На море тем временем господствовал неприятель, мог высажить десанты в тылу, поэтому генералу Фоку предписывалось не рисковать. На перешеек Ляодунского полуострова был выдвинут только один полк: 3800 штыков с 65 орудиями. 13 мая на него навалилась вся армия Оку. На каждого русского приходилось почти десять японцев, на каждое орудие — три-четыре вражеских.

Полк отразил несколько атак, и Оку уже хотел скомандовать отход, но японские канонерки перепали наши позиции с моря, и враг прорвал их по берегу.

Хлынув на полуостров, противник занял неукрепленный порт Дальний с причалами, оборудованием, складами. Куропаткин

Генерал
Ноги Марэсуке

направил на помощь Порт-Артуру корпус генерала Георгия Штакельберга, однако было уже поздно, да и силы оказались неравными. Армия Оку, развернувшись, отбросила русских. В Дальнем со всеми удобствами высаживалась 3-я армия Ноги — свежая, укомплектованная (48 000 солдат, 400 стволов артиллерии), специально предназначенная для того, чтобы брать Порт-Артур. 13 июля она обрушилась на наши части, прикрывавшие подходы к городу на Зеленых горах, в упорном бою выбила их с рубежей, вышла к крепости.

17 июля началась осада. С обеих сторон заговорили орудия. В ожесточенных атаках японцы захватили недостроенные передовые редуты на высотах, за ними у Ноги появилось удобное, недоступное для русского огня пространство для развертывания войск.

В Порт-Артуре, увы, проявили себя последствия «удешевления», сокращения линии обороны. Она отстояла всего на 1,5 км от окраин. Снаряды падали как на город, так и в бухту. Находившаяся там русская эскадра дважды пыталась прорваться во Владивосток, но неприятель караулил ее неусыпно. В сражении погиб командующий, адмирал Вильгельм Витгефт. Несколько кораблей ускользнули, добрались в иностранные порты и были вскоре интернированы, другие вернулись. С этого момента флот был привлечен к обороне на суше, формировались роты моряков, с уцелевших кораблей сняли 284 орудия.

Ультиматум японцев о сдаче города наше командование отвергло, и 6 августа грянул штурм. Нет, Порт-Артур не был неприступным. Из-за нехватки времени, людей и материалов на позициях оставалось предостаточно слабых мест. Настоящей крепостью стали не форты и окопы, а героические защитники. Они стояли насмерть, дрались сурово и умело, бросались в контратаки. Четыре

Оборона Порт-Артура. Октябрь 1904

ФОТО: РИА НОВОСТИ

дня японцы волна за волной лезли на приступ. Положили почти половину армии, 20 тысяч. Но не добились ничего!

Ноги начал осадные работы. Ему прислали саперные части, которые подводили вплотную к русским позициям траншеи, закладывали мины. Привезли батареи мощных 11-дюймовых мортир, их снаряды пробивали даже бетонные перекрытия фортов и казематов. В Порт-Артуре становилось худо с продовольствием. Хлеб еще оставался, но не хватало мяса. Консервы стали давать только офицерам и раненым, остальным — конину, по 1/3 фунта два раза в неделю. Не было зелени и овощей, свирепствовала цинга, косившая бойцов. Но город-крепость держался. Второй штурм (6–7 сентября) и третий (17–19 октября) завершились так же, как и первый, разгромом атаковавших. Предполье и позиции были завалены их телами. Ценой огромных жертв японцы смогли

захватить лишь три передовых опорных пункта.

В армию Ноги вливали пополнения, добавили осадных мортир. Бомбардировка стала непрерывной. Русские отвечали редко: уже не хватало снарядов. И поредевших защитников пополнить было нечем. Противник уверовал в то, что четвертый, генеральный штурм покончит с крепостью. Он начался 13 (26) ноября — наиболее массированный, самый жестокий. Японцы напали одновременно на восточные форты и западный фланг, гору Высокую. Вражеская артиллерия разрывала позиции, в бреши устремлялась пехота. Наши солдаты и матросы сходились с ней в яростных рукопашных. После целого дня сражения в гарнизоне форта № III из трех рот осталось 27 человек. Но нападавших всюду побили и обратили в бегство.

В запасе у японского командующего был еще один ход — попытка прорвать оборону у Курганной

батареи. К ней еще накануне добрались три тысячи отборных добровольцев генерала Накамуры Сатору. Вечером Ноги направил туда огонь всех орудий, а неприятельский отряд, проникнувший на батарею под покровом ночи, без шума, принялся колоть и резать наших артиллеристов. И вдруг откуда-то из темноты на японцев бросились несколько десятков матросов лейтенанта Николая Мисникова, яростно атаковавшие штыками и прикладами. Подоспели роты моряков с «Победы», «Полтавы», «Баяна». Мало кто из самураев спасся бегством.

Вот как описывал знаменательную битву известный военный историк Антон Керсновский: «Собралось 3100 охотников — достойных потомков ронинов и самураев — назвавших себя «отрядом белых помочей». В ночь на 14 ноября «отряд белых помочей», собравшись у Кумирненского редута, без выстрела ринулся в штыки, овладел Курганной батареей и вышел в тыл Восточного фронта, Порт-Артур повис на волоске... Но тут перед японским отрядом, словно из-под земли, выросла полурота русских моряков — 80 человек, ринувшихся на них с горы в прикла-

ды в крошечной темноте. Натиск этой горсти героев был настолько неожидан, стремителен и неистов, что ошеломленный отряд дал тыл. Крепость была спасена этими внуками «благодетелей» Хрулева (имеются в виду доблестные защитники Севастополя в Крымской войне)».

Тогда Ноги прекратил общие атаки, сосредоточил удар на одном участке — на горе Высокой. От разрывов она напоминала вулкан. Отчаянные броски нападавших сменялись контратаками. За два дня дивизия, штурмовавшая гору, была обескровлена и отведена в тыл. Ее заменили свежей, только что прибывшей на фронт. Русское командование тоже присылало подмогу — роты моряков, сборные команды. Те бились насмерть, но натиск не ослабевал. 5 декабря, за день, пали три коменданта горы Высокой, в том числе георгиевский кавалер подполковник Петр Бутусов. Под утро 6 декабря последний комендант, инженер-механик Михаил Лосев, доложил по телефону, что враг атакует единственный оставшийся за русскими блиндаж.

Высокая была взята, и отбить ее наши воины уже не смогли, резервы иссякли. Тем не менее для япон-

цев итоги вышли плачевными. В четвертом штурме они потеряли 18 тысяч человек, а главную линию обороны так и не захватили!..

За время осады убитыми и ранеными выбыло 15 тысяч русских матросов, солдат и офицеров (погибло 9300, среди них и душа обороны — генерал Кондратенко). Многие лежали на больничных койках, в строю осталось 8–9 тысяч. Мнения военного совета разделились. Одни считали необходимым стоять до конца, другие указывали на то, что дальнейшая оборона не имеет смысла, приведет к одностороннему избению гарнизона и населения. Стессель принял сторону последних, подписал 20 декабря акт о капитуляции. 23 тыс. человек попали в плен.

И все-таки герои Порт-Артура свою задачу выполнили, планы дальневосточного блицкрига сорвали, сковав врага более чем на пять месяцев. Неприятельские потери оказались больше в семь раз — 110 тыс., из них 10 тыс. офицеров. Тем временем была достроена Транссибирская магистраль, на восток потоком шли воинские эшелоны. В Маньчжурии сосредоточилось 500 тыс. штыков и сабель против 300 тыс. у врага. Япония выскребала последние резервы. Чем завершился бы последующий удар, предсказать нетрудно. Воины Порт-Артура и солдаты Куропаткина не виноваты в том, что плоды их героических усилий не послужили победе над японцами. Тут уж постарались западные державы и их «пятая колонна» в России. Страну охватила революция, правительство сочло за лучшее подписать Портсмутский мир. Но и японцам досталось так крепко, что они удовлетворились переуступкой Ляодунского полуострова, а из российских территорий — Южного Сахалина, который успели захватить. Возвращать последний и освобождать Порт-Артур довелось уже другим героям — в победном 1945 году.

Мемориал русским воинам в Люйшуне

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Символ веры

«ПРЕПОДОБНЫЙ ДИОНИСИЙ БЛАГОСПОВЯЕТ КНЯЗЯ ПОЖАРСКОГО И ГРАЖДАН НА МИНИНА НА ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ ОТ ПОЛЯКОВ». ГОРЕЛЬЕФ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

За Сергием шел Дионисий

Евгений Алдонин

Отмечаемый 4 ноября День народного единства среди наших государственных праздников — самый молодой и в то же время один из самых старых. Официально его утвердили только в 2005 году, хотя отмечали в России с незапамятных времен — в честь Казанской иконы Богородицы, с которой связано избавление столицы от польско-литовских интервентов. Почти все главные герои тех событий ныне на слуху, но, к сожалению, не многие соотечественники знают, что первым провел богослужение в освобожденной Москве архимандрит Дионисий, праведник и патриот, духовный лидер русского сопротивления 1612 года.

Путь инока

Биография преподобного Дионисия Радонежского известна в подробностях. Родился он в семье слободского старосты, по крещению получил имя Давид. Хорошо зная сызмальства Святое Писание, поступил в ученики к священнику Герману Тулупову, известному книжнику, собравшему воедино знаменитые Четьи-Минеи XVII века (сборник житий, притч и поучений). О монашестве вначале не помышлял, стал иереем, мужем и отцом. Служил в одном из храмов при Свято-Успенском монастыре в Старице. Потеряв жену и двоих сыновей, священник о. Давид стал в 1602 году иноком Дионисием. Было ему тогда за тридцать. Рослый, плечистый, не склонный к тучности богатырь в рясе, он скоро получил должность настоятеля старицкой обители.

А в стране уже начались смутные времена. Самозванец Лжедмитрий I заточил в Свято-Успенском монастыре «низложенного» патриарха Иова (кстати, уроженца Старицы). Дионисий вопреки указаниям из Москвы помогал святейшему чем мог, по-прежнему оказывал ему высокие почести. Это знакомство стало ключевым в судьбе будущего подвижника. Иов сумел рассказать

о способном и деятельном архимандрите новому русскому патриарху Гермогену.

Через шатаний-нестроений сотрясала Московское царство. Дионисий в ту грозную пору — когда русскую землю топтали иноверцы, бояре предавали и продавали все и вся, когда целые волости оказались под властью воровских шаек — не стал отсиживаться в келье. Не прерывая календарь богослужений, не давая себе никаких послаблений в монастырских делах, занялся политикой. Церковь возглавила борьбу за национальную независимость. Государственные структуры полностью деградировали, но приходы и обители продолжали объединять православный народ. Монастыри — прежде всего Троица (так с давних пор именуют у нас в устной речи Троице-Сергиеву лавру) — стали центрами сопротивления не только внешней агрессии, но и внутреннему распаду.

Во время осады Москвы войсками Лжедмитрия II о. Дионисий находился в Кремле, возле патриарха Гермогена, был его ближайшим советником и помощником. Суровый старец доверял ему, как никому, видел, что мягкость и дипломатичность сочетаются в нем с железной волей. Многие князья церкви относились к политике пренебре-

жительно, как к чему-то низкому, недостойному. Гермоген же и Дионисий определили свою миссию как служение не только Христу, но и своему народу.

За Троицу, за Сергиев монастырь!

В 1610 году патриарх вверил приближенному архимандриту главную твердыню православия — Троице-Сергиев монастырь, который вновь назначенный настоятель превратил в генеральный штаб сопротивления. Вожди ополчения понимали: без поддержки церкви освободить Белокаменную не удастся. К наказам Дионисия прислушивались даже самые своенравные князья и воеводы. Основные битвы вокруг обители к тому времени отгремели, пришла пора залечивать раны и готовиться к новому этапу освобождения страны. Выдержавший долгую осаду монастырь нуждался в ремонте.

В смутные годы в его стенах и окрестностях нашли приют тысячи больных и увечных, вдов и сирот. Далеко не у каждого имелась крыша над головой. Дионисий не жалел сил и средств на строительство богаделен для раненых и беженцев. «Любовь христианская во всякое время помогает нуждающимся, тем более надобно помогать в такое тяжкое время», — говорил архимандрит в те дни. Он велел открыть для нуждающихся монастырские погреба. Не вся братия поддерживала подобные начинания, но Дионисий действовал решительно, по-военному. Лучший хлеб, ржаной и пшеничный, отдавали голодным. «Сами будем есть хлеб овсяный и без кваса, с одной водой, не умрем. Пусть каждый делает все, что может, для других, а дом Святой Троицы не оскудеет», — таков был наказ архимандрита. Он лично проверял, не черствыми ли краухами кормят больных и раненых.

Историю Смуты мы традиционно изучаем по трудам Авраамия Палицына, келаря Троице-Сергие-

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ

ва монастыря, часто выполнявшего волю Дионисия. Однако литератор-монах несколько преувеличивал собственную роль и умалчивал о заслугах руководителя. Так героический настоятель оказался в тени прославленных соратников, хотя для победного Второго ополчения он сделал не меньше, чем Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. В Москве хозяйничали интервенты, страну разоряли самозванцы и всевозможные авантюристы, а Дионисий полагал, что раздоры, несогласие между русскими гораздо страшнее иноземного нашествия.

В смутные дни на Русь как будто возвратилась эпоха давних княжеских междоусобиц. Пастырь проповедовал: все неурядицы суть Божье наказание за гордыню правителей, раздиравших державу в клочья. Самоотверженно боролся за народное единство. Именно Дионисию удалось примирить амбициозных руководителей Первого и Второго ополчений. Обращаясь к князьям-тезкам Трубецкому и Пожарскому, архимандрит призывал: «Сотворите любовь над всею Росийскою землею, призовите в любовь всех любовью своею», — и предлагал военачальникам прогнать от себя «клеветников и смутителей». «Если между вами есть и будут недоволы, Бога ради, отло-

жите это до времени, чтоб нам всем заодно положить свой подвиг и пострадать для избавления христианской православной веры», — писал духовный вождь. С этого компромисса начался путь России к выборам новой царской династии.

Дионисий рассылал по монастырям и городам грамоты с горячими призывами: «Вспомните, православные, что все мы родились от христианских родителей, знаменались печатью, святым крещением, обещались веровать во Святую Единосущную Троицу. И, возложив упование на силу Животворящего Креста, Бога ради покажите свой подвиг: молитесь своих служилых людей, чтобы всем православным христианам быть в соединении и стать сообща против наших предателей и против вечных врагов Креста Христова — польских и литовских людей. Сами видите, сколько погубили они христиан во всех городах, которыми завладели, и какое разорение учинили в Московском государстве».

К столь веским словам трудно было не прислушаться. Троицкие грамоты сыграли решающую роль в том, что с ополченцами из центральных городов соединились вольнолюбивые донские казаки, и это стало едва ли не решающим фактором успеха.

18 августа 1612 года ополчение Пожарского остановилось возле горы Волкуши, неподалеку от Троицкого монастыря. Навстречу выехал архимандрит, его благословение воины запомнили навсегда. «Бог с вами и великий чудотворец Сергей на помощь постояти и пострадати вам за истинную, за православную христианскую веру». Каждый ратник приложился ко кресту Дионисия, по проповедям многие знали о том, как в незапамятные времена Сергей Радонежский благославлял войнство перед Куликовской битвой. Основатель великой обители трижды являлся во сне Кузьме Минину. Освобождая Москву, ополченцы шли в бой «за Святую Троицу, за Сергиев монастырь». Мобилизующую идею им дал Дионисий. Духовный сын троицкого архимандрита Дмитрий Пожарский после победы над ляхами великодушно отказался от борьбы за власть, сделав, таким образом, еще один важный шаг на стезе преодоления Смуты.

Неудивительно, что в ноябре 1612 года именно о. Дионисий совершал молебен на Лобном месте перед вступившим в Москву войнством. Его фигура возвышалась над переполнявшей Красную площадь толпой, а голос звучал торжественно и мощно. Пастырь возглавлял крестный ход к освобожденным от поляков кремлевским соборам.

Опала и слава

Преподобный Дионисий был настоятелем Свято-Троицкого Сергиева монастыря 23 года и три месяца. Игуменский жезл держал в руках крепко, строил основательно, благотворительствовал широко. Никто — после прп. Сергия — не сделал для будущей Лавры больше, чем он. Троица тогда являлась настоящей крепостью православия. В апреле 1613-го архимандрит принимал у себя ехавшего в столицу Михаила Романова, будущего царя.

Как у всякой яркой личности, у о. Дионисия имелись и духовные

чада, и враги. Особенно усердствовали в борьбе с ним два троицких монаха — известный знаток певческого канона Логин и уставщик Филарет. Однажды во время богослужения первый из названных даже вырвал из рук настоятеля книгу.

Некоторые попрекали его тем, что он не постриженник Троицкого монастыря, почти чужак. Дионисий же был верен Троице — как его далекий предшественник, преподобный Сергий. Не раз предлагали архимандриту митрополичью кафедру, но он уклонялся от такой чести, не хотел покидать место, ставшее центром русского православия.

В 1616 году государь поручил ему заняться исправлением и подготовкой к изданию Третьяка, одной из главных богослужебных книг. Для любого священнослужителя она — самая необходимая, особо чтимая, ведь в ней подробно описаны все церковные таинства, содержатся многие молитвословия. Ответственное, почетное, но вместе с тем рискованное задание для Дионисия чуть было не стало роковым. Он взялся за дело со всей скрупулезностью. Сверял ранее изданные тексты с греческими оригиналами, взвешивал каждое слово. По словам архимандрита, «безо всякия хитрости, сидели полтора года день и ночь». Если замечал ошибку, то старался ее тут же исправить. Однако некоторые коррективы вызвали яростный протест священников, привыкших к ошибочным оборотам. Из фразы молитвы, которая читается в навечерие Богоявления — «Освяти Духом Твоим Святым и огнем» — редактор вычеркнул «и огнем» (этого не было в греческом подлиннике). Монашеские писцы, позабыв об иерархии, категорически не согласились с Дионисием, а Собор вынес ему обвинительный приговор. Архимандрита, поднимавшего полки на бой с поляками, обвинили в еретичестве — в том, что он «во многих книгах выскребал, и выре-

зал, и писал во том месте по своему произволу».

В наказание каждый день он должен был совершать по тысяче земных поклонов. О. Дионисий по своей воле это количество удвоил. Его содержали в темнице московского Новоспасского монастыря, угрожали ему ссылкой на Соловки. Но и этого показалось мало недругам. Они устроили настоящую травлю старца, причем в жесточайшем средневековом духе. Били плетью, морили голодом, «на худой лошади» водили по городу, где разъяренная толпа бросала в несчастного камнями и грязью: ведь «он хотел вывести из мира огонь».

Дионисий принимал хождения по мукам с удивительным смирением, повторял: «Такие беды и напасти — милость Божия».

Спас архимандрита патриарх Филарет, вернувшийся из польского плена. Он быстро разобрался в клеветах и вернул опального старца в Троицу. Поддержал страдальца и Иерусалимский патриарх Феофан. Дионисий, который снова был в чести, не помнил зла, с легкостью простил всех своих гонителей.

Его последние годы прошли в заботах о Троице-Сергиевом монастыре, в строжайшем соблюдении иноческого устава. Во время

строительства храмов настоятель сам таскал камни, плотничал. В те годы рядом с братской трапезной поднималась церковь преподобного Михаила Малеина, небесного покровителя государя Михаила Федоровича. Умер преподобный за молитвой. Святые мощи Дионисия Радонежского покоятся в Серапионовой палате у Троицкого собора Лавры.

Более века назад, к 300-летию династии Романовых, возник план установки в Москве, на Красной площади, памятника двум столпам церкви — патриарху Гермогену и архимандриту Дионисию. Эти статуи должны были встать рядом с фигурами Минина и Пожарского — ведь заслуги вождей-священников в преодолении Смуты не меньше вклада всем известных полководца и гражданина. Над проектом монумента работал Виктор Васнецов. Увы, осуществить замысел не удалось...

Лихолетье невозможно преодолеть без идейного и духовного стержня. Во все времена к победам нацию вели не только воины, но и праведники, те, кто оказался способен вселить в сограждан веру в славное русское будущее. И в этом — один из главных уроков Смуты XVII века.

СЕРАПИОНОВА ПАЛАТА В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

«Книжное учение во вкусе есть сладко...»

Елена Мачульская

«Аз, буки, веди страшат как медведи», «Юс да ижица — конец делу ближитца» — эти непонятные современному школьнику поговорки напоминают о временах, когда выучить азбуку было весьма непросто. Старинные методики обучения грамоте сегодня кажутся слишком архаичными, неудобными, даже путанными, однако следует признать: на протяжении многих веков свою задачу они успешно выполняли, служа делу народного просвещения, развития и становления великой нации.

КОГДА-ТО ученики сперва запоминали названия букв (которых было больше, чем в нашем алфавите, — 45), повторяя их вслед за учителем. Затем составляли слоги и тоже их заучивали: «буки», «аз» — ба, «веди», «аз» — ва... И только после этого начинали читать «по складам», называя каждую букву, потом — «по верхам», не произнося названия литер и отдельные слоги. В общем, прежде чем воспроизвести какую-то осмысленную фразу, нужно было уделить очень много времени элементарной зубрежке. Неудивительно, что некоторые учителя полагали: заставить выучить наизусть куда легче, чем подготовить к самостоятельному чтению. Новгородский архиепископ Геннадий в XVI веке о таких педагогах говорил, что они не учат, «а только портят».

Древнерусских азбук до нас дошло очень мало, а самые старые относятся к XI веку. Одна из них — барельеф на стене церкви Святой Софии в Киеве, другая — учебная, написанная на бересте. Берестяные были в ходу несколько столетий. Изобретателем первого на Руси полноценного учебного пособия для освоения азов грамоты стал первопечатник Иван Федоров, который делал все возможное для того, чтобы «по свету рассеивать и всем раздавать духовную пищу». Свой первый букварь он издал во Львове в 1574 году, то есть 445 лет назад.

Его «Азбука» начинается с алфавита, затем приводится «впятословие» — так называли полный набор литер, расположенных в обратном порядке. Далее буквы располагаются несколькими колонками вразбивку. Следующие упражнения представляют собой запись двух- и трехбуквенных слогов, с усвоения которых традиционно начиналось обучение чтению и письму. Во второй части букваря представлены молитвы, изречения из притч Соломона и посланий апостола Павла, служившие краткими текстами для закрепления навыков.

В основу «Азбуки» был положен все тот же трудоемкий буквослагательный метод — иного тогда просто не знали. Но через сто лет с небольшим ситуация изменилась кардинально, появился букварь, который можно назвать предком всех современных.

Его автором стал один из образованнейших людей своего времени, иеромонах московского Чудова монастыря Карион Истомина. Этот яркий представитель русского просвещения был человеком всесторонне одаренным — педагогом, поэтом, художником. Называют Истомина и первым русским детским писателем.

Он служил учителем царских детей, именно для них создавал иллюстрированный «Лицевой букварь», ставший замечательным, новаторским, по-настоящему прогрессивным учебником XVII–XVIII веков.

Сначала изготовил его в двух рукописных экземплярах. Первый поднес в 1692 году матери Петра I Наталье Нарышкиной — для ее внука, царевича Алексея. Второй годом позже был вручен двоюродным сестрам наследника престола. Одновременно автор заказал работу над букварем гравюру Оружейной палаты Леонтию Бунину. Печатная версия увидела свет в 1694-м, 325 лет назад. Тираж составил 106 экземпляров. Причем в конце книги оба мастера представлены равноправными соавторами: «Сей Букварь счинил Иеромонах Карион, а знаменил (рисовал) и резал Леонтий Бунин». В гравюре невозможно было воспроизвести позолоту, которой покрывались рукописные фигурные буквы, но Бунин выполнил инициалы столь виртуозно, что они не выглядят беднее золоченых.

Печатный станок XVII в.

ФОТО: ПЕТРУХИНИ/РИА НОВОСТИ

Издание не походило на прежние, строгие и лаконичные, учебники. В нем все было ново, наглядно, живо и увлекательно. Каждой букве посвящалась особая страница, где много всякой всячины, причем в три яруса.

Вверху шли литеры: узорный инициал, образцы каллиграфического почерка, уставные начертания буквы, множество ее скорописных версий, а также фонетические аналоги в других языках — греческом, латинском и польском. Букварь заранее готовил юного читателя к предстоящему изучению иностранных слов.

Рядом с буквами — воин с копьем и трубой, в латах и шлеме с пером («аз»), сокольный, держащий в руке птицу («червь»), мужчина и женщина в европейских нарядах («иже»), другая пара в русском платье («мыслете»), — в силуэтах фигурок угадываются очертания букв. Здесь представлены, можно сказать, простые и поучительные шарады (взамен унылой зубрежки), дающие ученику радостное ощущение открытия.

Составленные из человеческих фигур буквицы часто встречались в книгах средневековой Руси, но потом они почти на два века были

ФОТО: ВАЛЕНТИН ЧЕРДИНЦЕВ/РИА НОВОСТИ

вытеснены орнаментом: балканской плетенкой, византийским узорочьем, «фряжскими травами» (травяными узорами). «Лицевой букварь» возвратил к жизни свое, родное, почти забытое искусство.

Несмотря на то, что Карион Истомин адресовал букварь не только отрокам, но и отроковицам, большинство героев фигурных инициалов — люди военные. Костюмы и облик многих персонажей указывают на иноземную природу образцов, которыми пользовался гравер. Не-

принужденность поз, свойства композиций, за которыми не сразу угадываются знаки алфавита, характерны для европейских инициалов периода барокко.

И все же Леонтий Бунин остался истинно русским мастером. Творчески переработав европейские клише, он привнес мягкость и простоту форм, что были издавна присущи книжным миниатюрам московской школы. Из пестрого, многообразного исходного материала (близкие по стилистике фигуры воинов можно увидеть, например, в одном из алфавитов Иоганна Теодора де Бри) художник создал свой собственный, стройный и цельный алфавит.

Посреди страницы вместо абстрактных слогов прямо-таки толпятся реальные и фантастические существа, предметы и явления, чьи имена-названия начинаются с одной и той же буквы.

Вот первый человек Адам возносит молитву Богу. Над ним из-за облаков выглядывает «Априлий-месяц». Тут же знаки планет — Афродита (Венера) и Арес (Марс). Между небом и землей парит раскрытый учебник «Арифметика», а рядом с ним драгоценный «анфраз-камень». Все это выглядит очень изящно и символично.

Азия, Африка, Америка, крылатое чудовище «аспид», необычное, напоминающее обезьяну животное «аранатакоза» и самый обыкновенный петух на пригорке, по-старинному «алектор». Недаром книжную иллюстрацию Истомин определял как «дивную сотворенность».

Опередивший свое время просветитель впервые на Руси провозгласил истину: ребенок вначале смотрит, а потом читает. Спустя 200 лет Александр Блок охотно подтвердит это тонкое психологическое наблюдение: «Словесные впечатления более чужды детям, чем зрительные. У детей слово подчиняется рисунку».

Всего в «Букваре» более 400 иллюстраций. Среди ассоциированных с буквами образов есть и узнаваемые в XXI веке предметы, и незнакомые для нас фигуры, пробуждающие дополнительный интерес, например, изображения животных, которые на Руси никогда не водились. Все это способствовало лучшему запоминанию букв.

«Педагогические стихи» занимают последнюю треть листа и объясняют изображенное, внушают добродетельные мысли, любовь к учению, книге.

*Киты суть в морях,
кипарис на суше,
Юный, отверзай в разум
твоя уши.
В колесницу сядь, копием борися,
Конем поезжай,
ключом отойрися.
Корабль на воде, а в дому корова,
И кокошь в требу,
и людем здорова.
Отложи присно тщеты
недосуги,
Колокол слушай,
твори в небе други.*

«Книжное учение во вкусе есть сладко», — говорил Карион Истомина. Обязательные в средневековых букварях цитаты из богослужебных книг почти отсут-

ствуют, их место занимают понятные юным читателям духовно-моральные наставления.

В издании отразились едва ли не все художественные пристрастия и культурные течения эпохи, одинаковый интерес к западным эталонам и собственным традиционным формам и сюжетам. По мнению выдающегося отечественного искусствоведа Алексея Сидорова, «Лицевой букварь» стал блестящим результатом поиска русского национального варианта книги общеевропейского типа. Из-

дание Истомина — Бунина — скорее уникальный альбом, сборник образцов, а не обычный гроссбух для чтения. «По этому альбому многому может научиться и мастер книги, прежде всего — искусству рисования отдельной буквы».

Этот удивительный букварь был хорошо знаком представителям всех сословий русского общества вплоть до XIX столетия. До сих пор листы из него нередко используются в качестве иллюстраций, рассматривать которые одинаково интересно и детям, и взрослым.

РИСУНОК А. ВАСИЦЕВОЙ

Великие реалисты

«СТЯЖАЯ ЖЕНЩИНА», 1913

Игра в классиков

Ксения Воротынцева

Константин Сомов вошел в историю как один из самых рафинированных художников начала XX века. Выразитель декадентской, изломанной эпохи стал одним из основателей объединения «Мир искусства». Получил признание, хорошо зарабатывал — даже в эмиграции, но до конца дней сомневался в собственном таланте. И с раздражением говорил: «в глазах природный дефект... не чувствую пропорций». В ноябре исполняется 150 лет со дня рождения «великого самозванца» Сомова.

НА САМОМ деле Константин Сомов не был любителем или самоучкой. Его жизненный путь хорошо известен — учился в Академии художеств, занимался в мастерской у Репина. Почему же успешный живописец не верил в собственные силы? Он говорил: «Когда я вижу снимки с моих старинных вещей — конец прошлого века и начало этого, — мне делается смешно, что это считалось хорошим, все эти дамы в кринолинах, «человечки без костей», как раз напечатал про меня Репин, вся эта отсебятина и дилетантство, ужасающие, мертвые, безвкусные московские портреты». Вероятное объяснение — Сомов рос в окружении искусства и установил для себя слишком высокую планку. Его отец, Андрей Иванович, был хранителем Эрмитажа. Александр Бенуа, близкий друг Константина, вспоминал: «Манера «старика Сомова» держать себя с молодостью отличалась напускной важностью — мол, все вы молокососы, ничего ни в жизни, ни в искусстве не смыслящие, если же я с вами говорю, то только из снисхождения к чудачествам моего сына («мово сынишку», — говорил Андрей Иванович, вообще любивший щеголять какими-то старомодными и «просто-народно-помещичьими» выражениями). Детей же своих он обожал и ставил их, их таланты, их ум превыше всего на свете. О Косте он отзывался не иначе, как о «гении», и это в его же присутствии, с какой-то прямотой. Костю, вообще необычайно деликатного и морщившегося от малейшей бестактности (к тому же

«ПОРТРЕТ А. И. СОМОВА», 1897

искренне считавшего себя бездарностью), эта «публичная» апробация отца раздражала, и он этого не скрывал». Впрочем, Сомов-старший мог и покритиковать. Скажем, гуашь «В августе» (1897) получила от Андрея Ивановича нелестный отзыв: «Что это за фигуры уroda с двухсаженными ногами и девочки с четырехсаженными, будто бы сидящие на луку, а на самом деле лезущие вперед из картинной плоскости?»

Настоящая причина неуверенности Сомова, вероятно, состояла в том, что он не принадлежал к числу счастливых — «шампанских гениев». Изобразительное искусство поначалу давалось ему с трудом. Тот же Бенуа признавался: «...в гениальности отказывал Косте тогда и я». Будущие мастера познакомились в частной экспериментальной гимназии Карла Мая, где также учились Вальтер Нувель и Дмитрий Философов — будущий костяк «Мира искусства». Константин Сомов, по воспоминаниям Бенуа, в ту пору не блистал художественными талантами: «С Костей Сомовым меня сблизило его увлечение театром. Он даже был влюблен (точнее, он воображал, что влюблен) в красивую актрису французского театра Жанну Брендо (это та самая Брендо, которая через много-много лет в фильмах изображала почтенных трагических матерей), и попытками передать ее тонкий профиль были испещрены все бруйоны и все обложки учебников Кости. Но по этим грифонам никак нельзя было за-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ «ТЕАТРЪ», 1907

ключить, что мальчик станет когда-либо художником, что он вздумает посвятить себя живописи. Признаюсь, я на эти беспритязательные и беспомощные опыты поглядывал свысока. И вот, после одного летнего перерыва узнаю, что Костя Сомов уже больше не с нами, что он покинул гимназию, поступил в Академию Художеств. За год до того я сам попробовал соединить посещение вечерних классов Академии с гимназией, но этот мой опыт продолжался всего четыре месяца, после чего я «проклял» удручающую рутину академического образования и уже больше не думал о том, чтобы еще ее попробовать. Теперь же Костя Сомов решил идти на то же испытание, да еще прервав для этого свое гимназическое обучение, которое, правда, ему давалось с трудом. Мне эта затея друга показалась совершенно нелепой, и я пророчил, что ему там долго не выдержать... В первые два года пребывания Сомова в Академии я почти с ним не встречался, и тогда даже казалось, что наша разлука стала окончательной, но затем постепенно он снова стал втягиваться в наш кружок, храня, впрочем, на собраниях друзей почти абсолютное молчание. Даже о своих работах в Академии он не любил говорить, а если отвечал на вопросы, прямо поставленные, то в самом минорном тоне — он, де, сознает, что он бездарен, он, де, ни на что в дальнейшем не рассчитывает». Бенуа рассказывает еще об одном примере скрытности Сомова: «...в те годы (до 1895 года) Костя никогда не вводил друзей в свою комнату — не то конфузясь тем, что она была очень тесной и невзрачной, не то потому, что он тщательно скрывал свои работы и никогда о них не говорил...» Поведение Сомова нельзя считать кокетством: «В этих покаяниях не было позы, не было напрашивания на комплименты. Костя совершенно искренне продолжал считать, что он избрал художественное поприще по какому-то недоразумению, по слабости, уступая убеждениям отца, но странным образом в эти же годы среди его академических товарищей стало укрепляться мнение, что Сомов необычайно талант-

«ПОРТРЕТ К. СОМОВОЙ». 1924

лив, что он один из тех учеников Репина, который подает большие надежды».

В определенный момент в творениях Константина Сомова действительно произошел перелом. Александр Бенуа считал, что это случилось в 1895–1896 годах, когда оба много трудились, учась друг у друга. Тот же Бенуа всегда удивлялся — как его товарищ часами мог сидеть над работами: «...Даже случалось, что я досадовал на него за то, что он... теряет столько времени на пустяки, и в душе как-то гордился, что тем временем я успеваю сделать чуть ли не дюжину этюдов, и очень подробных. Но когда я глядел на окончательный рисунок Сомова, на ту самую «линию», наконец удовлетворившую художника, то мне становилось совестно за свои многочисленные, но грубые и какие-то совершенно лишние, сравнительно с ней, работы». Дорогого стоит и другое признание Бенуа: «Предметом зависти в работе Кости над натурой была для меня самая его медлительность, почти даже кропотливость, то, что он мог так биться над какой-либо деталью, и что ему с таким трудом, давался общий эффект. Сам он в этих чертах все еще продолжал видеть доказательства своей «бездарности». Но можно ли было говорить о бездарности, когда видел результаты этих «усилий» и когда я действительно испытывал укоры (абсолютно не злобивой) зависти от того, что Косте удавалось беспримерным образом передать тот или иной эффект неба, тот или иной тон листвы, травы, деревянных построек или лица, тела, одежды». О медленной, кропотливой работе художника свидетельствуют и другие источники. Известно, что портрет коллеги, художницы Анны Остроумовой-Лебедевой, был создан за 73 сеанса. А изображение сына сестры Анны, Евгения Михайлова, Сомов написал за 127 часов.

Прославился мастер не только портретами — хотя запечатлел многих знаменитых современников, вроде того же Бенуа, а также Михаила Кузмина, Александра Блока, Анны Остроумовой-Лебедевой. Его «коньком» стали фантазии на тему галантного века: маркизы,

«В БОСКЕТЕ», 1899

«ВОЛШЕБСТВО», 1898—1902

«ПОЦЕЛУЙ», иллюстрация к «КНИГЕ МАРКИЗЫ», 1908

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

ленных», были гуаши или небольшие масляные картины, на которых с чудесной убедительностью восставала жизнь русских дедушек и бабушек. Самая природа, окружавшая его персонажи, самые здания, служившие им обиталищем, не имели ничего общего с природой и бытом Франции, а являлись тем самым, что пленило его в России на нашем чахломе и бледном севере, вернее, в чем он сам вырос и что он полюбил своей первой любовью. Блеклые белые ночи, неожиданная яркость зелени на фоне темных туч, ясные, но прохладные вечера среди березок и сирени, соснового леса — все это теперь восставало в его памяти с удивительной отчетливостью и точностью. И все это окутывалось подлинной поэтичностью, вернее, эта поэтичность, жившая в Сомове, поэтичность характерно русского привкуса, это «чувство родины» как бы определяло и диктовало самый выбор тем». Пейзажные вещи Сомова действительно нередко отсылают к природе средней полосы. Хотя в сознании большинства зрителей он закоренелый «француз»: эстет, певец XVIII века, тонкий эротоман.

«ПОРТРЕТ М. Г. ЛУХЬЯНОВА», 1918

кринолины, фейерверки, гулянья в садах, куртуазные игры, эротика, подчас откровенная. Александр Бенуа вспоминал: «Зародился, однако, этот «жанр» вовсе не как таковой, вовсе не как попытка отмежевать себе особую область, а как-то сам собой и почти случайно, в виде какого-то отдохновения от более трудных задач». Изящные вещицы оказались невероятно востребованными — они смогли прокормить художника даже в эмиграции, когда многие его коллеги — та же Зинаида Серебрякова — перебивались с хлеба на воду. Правда, Сомов, по собственным признаниям, страдал от самоповторов: «Порядочная пошлость эти мои картины, но все хотят именно их». Или же: «Опять условие: XVIII век — так, верно, и умру я в XVIII веке». Казалось, сюжеты были сплошь французскими, но художник не чувствовал себя оторванным от родной страны и культуры. В конце 1890-х он жил в Париже, занимался в Академии Коларосси. Однако, погружившись в иноязычную среду, скучал по Родине. Бенуа свидетельствовал: «...Именно тогда в нем с какой-то особой остротой проснулась ностальгия по родным местам, по родному прошлому, и лучшее, кроме двух-трех портретов, и самое значительное, что им сделано в Париже в смысле «сюжетов измыш-

«ЯЗЫЧОК КОЛОМБИНЫ», 1915

«РУССКАЯ ПАСТОРАЛЬ», 1922

«В ЛЕСУ», 1914

«ВЕЧЕРНИЕ ТЕНИ», 1900–1917

«Витание в облаках» было общей чертой мирискусников. Они словно не замечали надвигающейся революции либо же хотели спрятаться от действительности в вымышленном мире. Хотя эсхатологические настроения все же постепенно проникали в их среду. Сергей Дягилев пророчески говорил: «Мы живем в страшную пору перелома, мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется

от нашей усталой мудрости... мы — свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникнет, но нас же отметет».

Революция 1917-го оказалась потрясением для Сомова. С одной стороны, он намекал на симпатии к левым. С другой — не желал становиться частью нового истеблишмента, определять культурную

политику государства. Он удивлялся происходящему: «События разворачиваются с такой стремительностью и сюрпризами, что не веришь, что живешь в них, а не в какой-нибудь истории или романе». И испытывал хорошо объяснимую тревогу: «Читал газету долго. События неудержимо ведут нас к катастрофе».

Россию Константин Сомов покинул в 1923 году: уехал в США как уполномоченный «Русской выставки» и остался на чужбине. Два года спустя перебрался во Францию, купил квартиру в Париже. Писал заказные портреты, иллюстрировал «Дафниса и Хлою» и «Манон Леско». Но при этом всегда оставался верен принципам чистого искусства, избранным в юности. Бенуа писал: «У нас не было никаких честолюбивых замыслов, мы даже не рассчитывали на то, что наше искусство будет нас питать, но эта полная бескорыстность давала нам удивительную открытость, удивительную свободу, позволяла нам постоянно разнообразить задачи, и это без малейшей торопешки, без малейшей заботы о том, чтобы «иметь успех». И уж

наверно Сомов никак не думал, что те самые акварельные этюды или те самые фантазии, которые являлись тогда «обыденной продукцией» и даже чем-то вроде баловства, будут со временем драгоценностями, из-за которых будут спорить музеи и коллекционеры. О, счастливое, счастливое время...»

Мастер ушел из жизни накануне Второй мировой. Как писал Бенуа, «смерть застала Сомова за работой над портретом графини Зубовой», который, будучи почти законченным, должен был причислен к самым совершенным его произведениям».

«КНИГА МАРКИЗЫ». ОБЛОЖКА. 1918

Родное слово

10
ноября
125
лет со дня
рождения

М. ДОБУЖИНСКИЙ. «АНГЛИЙСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ В СЕНЕГУ», ИЗ СЕРИИ «ПЕ-ТЕРБУРТ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ГОДУ», 1923

Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами

Валерий Бурт

В большом, зычном хоре русской литературы голос Георгия Иванова звучит не очень громко. Стихотворец был чрезвычайно даровит, но и вокруг него талантов всегда хватало. Прославив на родине кудесником слова, еще большую известность он обрел в эмиграции, став, по мнению критиков, первым поэтом России на чужбине, при том, что конкурентами Иванова выступали мастера выдающиеся и даже классики.

ЕГО ОТЕЦ окончил Павловское офицерское пехотное училище, служил в Третьей гвардейской конно-артиллерийской батарее. Все прадеды и деды поэта были военными. Казалось, сам Бог велел ему надеть мундир. Так и случилось — поначалу.

Мальчику определили во Второй кадетский корпус. Особыми способностями Георгий там не блистал, отличался, впрочем, на уроках рисования. Учитель живописи даже прочил ему

карьеру художника. (Ошибся, но не принципиально: вскоре Иванов примется создавать изящные миниатюры и полотна — посредством виртуозно зарифмованных фраз.)

Преуспел и в химии, но особенно в литературе, выбился по этому предмету в первые ученики. Его наставник, военный писатель, поклонник и знаток творчества Семена Надсона Николай Жерве разглядел в юноше недюжинный талант.

Поэзия захватила Георгия Иванова, когда ему стукнуло пятнадцать. Улыбчивый юноша с грустными глазами и пухлым ртом очаровался стихами Лермонтова. Потом на глаза попались сочинения К.Р., великого князя Константина Романова, слывшего недурным стихотворцем.

Тот был генерал-инспектором кадетских корпусов и военных училищ. Однажды в строю, который обходил К.Р., оказался Иванов. Георгий смотрел на него с обожанием — не как на представителя великокняжеской семьи, но как на большого поэта. Такого он видел впервые.

Знакомство с сочинениями Фета, Полонского, того же Надсона, подражание Бальмонту, восхищение Блоком, преклонение перед Брюсовым — все это происходило в его жизни тогда, когда он еще особо не задумывался о стилях и формах. Пленяло течение рифмы — ее таинственные изгибы, причудливость, грация.

Однажды Иванов услышал:
*...И, взойдя на трепещущий мостик,
 Вспоминает покинутый порт,
 Отряхая ударами трости
 Ключья пены с высоких ботфорт...*

Задышавшись от восторга, спросил: «Кто это?» Ему ответили: «Гумилев». В тот момент Георгий мог только мечтать, что когда-нибудь они познакомятся, сблизятся.

Начал рассылать свои экзерсисы по разным изданиям, благо последних было немало. Однако желающих печатать его стихи не находилось. Как-то раз в «Вечерней биржевой газете» он увидел объявление: новый еженедельник «Все новости литературы, искусства, театра, техники и промышленности» просит господ писателей присылать свои произведения.

Иванов схватил кипу страниц, положил их в конверт и отправил по указанному адресу, не шибко надеясь на благожелательный ответ. Однако два стихотворения были напечатаны, в том числе «Осенний брат»:

*Он — инок. Он — Божий. И буквы устава
 Все мысли, все чувства, все сказки связали.
 В душе его травы, осенние травы,
 Печальные лики увядших азалий...*

Из корпуса он ушел, хотя и мать возражала против этого, и сам долго колебался. Как бы там ни было, становиться офицером не хотел. Желал творить.

Последовала череда знакомств с известными поэтами, одним из коих оказался Северянин. «Я прочел

Ю. АННЕНКОВ. «ПОРТРЕТ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА», 1921

несколько стихотворений, — вспоминал Георгий Иванов в мемуарах «Петербургские зимы». — Они меня «пронзили». Их безвкусие, конечно, било в глаза, даже такие неискушенные, как мои (только месяц назад мне внушили, что Дм. Цензором не следует восхищаться...). Но, повторяю, — они пронзили. Чем, не знаю. Тем же, вероятно, чем через год и, кажется, так же случайно, — Сологуба».

Отправляясь на Подъяческую улицу, в гости к Северянину, представляя: тот, чьи строки «полны омарами, автомобилями и французскими фразами, — человек блестящий и великосветский»; и дом его богат, и слуга ходит в фиалковой ливрее. Иванов заранее смущался своего скромного вида и того, что приедет на «ваньке» (так в Питере называли недорогие пролетки). Но все оказалось несколько иначе: дом — простецкий, вход со двора, на замызанной лестнице пахло кошками и жареным луком. Удивленный гость позвонил в квартиру номер 13 и вскоре поразился еще больше. Ему открыла старушка с руками в мыльной пене: «Вы к Игорю Васильевичу? Обождите, я сейчас им скажу», — и ушла за занавеску. Молодой человек огляделся. На плите кипело и чадило, стол был завален невымытой посудой, на веревке сушилось выстиранное белье. И тут появился рослый, гладко выбритый господин с темными вьющимися волосами, позвал в небольшую комнату с полкой книг, усадил на диван. Поговорили. Приветливый хозяин охотно декламировал свои строфы.

«Манера читать у него была та же, что и сами стихи, — и отвратительная, и милая. Он их пел на какой-то опереточный мотив, все на один и тот же. Но к его стихам это подходило».

Подружились. Северянин в ту пору упивался славой. Его книги были нарасхват, бюро газетных вырезок присылало ему по пятьдесят бумажных клочков в день — из вышедших в разных городах России изданий. Никакие залы не могли вместить всех желавших попасть на северянинские поэзоконцерты. Игора Васильевича караулили повсюду батальоны поклонниц, а он, осыпаясь цветами, мчался мимо них на автомобиле.

Их пути разошлись довольно скоро. Иванов перешел в «Цех поэтов» (сообщество, созданное по образцу ремесленных объединений в средневековой Европе, участники относились к поэзии как к профессии, ремеслу), «завязал связи более «подходящие» и поэтому бесконечно более прочные». К нему, новобранцу литературных войск, неторопливо, мелкими шажками, подкрадывалась известность.

Название, выбранное для мемуаров, — «Петербургские зимы», — символично. В дореволюционной столице России всегда зябко, горожане и приезжие жадно ловят каждый луч солнца, часто ежатся, кутаются в пальто и шубы, торопятся в уютное тепло домов, отелей, кофеен. Холодно не только от дующего с Невы ветра, морозящего дождя, завывающих метелей, но и от предчувствия тревоги, прячущейся между статуй, памятников, близ набережных у вспененной воды, в путоши подъездов: «Там, в этом желтом сумраке, с Акакия Акакиевича снимают шинель, Раскольников идет убивать старуху... Иннокентий Анненский, в накрахмаленном пластроне и бобрах, падает с тупой болью в сердце на ступени Царскосельского вокзала».

Великое множество людей в Санкт-Петербурге ежедневно ждали своего шанса, испытывали судьбу. Одни были обречены на неуспех, других ждал выигрыш — в любви, картах, карьере. Толпились в очереди за удачей, беспрестанно волновались, жаждали всеобщего признания, жарких оваций и наши литераторы — разноликие и разностильные. В их числе — Георгий Иванов (в спутницы жизни он спустя годы выберет поэтессу Ирину Одоевцеву).

*Ты не расслышала, а я не повторил.
Был Петербург, апрель, закатный час,
Сиянье, волны, каменные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.
Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что нас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела.
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдет.*

Одного литературного таланта для алчущих славы бывает, как правило, недостаточно, нужна природная смекалка, а куда более — «подходящие, прочные связи». Иные личности с деньгами и авторитетом всегда любили поощрить честолюбивых дебютантов, направить их на «путь истинный». Был среди подобных «меценатов»

и поэт Сергей Городецкий, устраивавший, выражаясь современным языком, шумные презентации. Одну из них Иванов описал в своих мемуарах примерно так.

Просторный зал. Звучит вместо колокольчика то ли гонг, то ли тимпан. Гаснет свет, и в ярком блеске рефлекторов — эстрада. Городецкий просит у почтенной публики внимания и представляет первого выступающего. Выходит нарумяненный, подвитый, в розовой косоворотке и плисовых шароварах Есенин. В руках у него — бумажные васильки. Вроде пошло, безвкусно, но — публика в восторге.

Быстро прикрепив на лицо отрепетированную улыбку, нараспев читает: «Белая береза / Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром».

Народ внимает, мотает на ус: поэт из народа, самородок. Успех полнейший, зрители рукоплещут. За Есениным выступают прочие выходцы из деревни, приехавшие покорять столицу, Сергей Клычков, Николай Клюев — в поддевках, шароварах, румяные, с подведенными бровями. Читают напевно, окают, и тоже, конечно же, срывают бурные аплодисменты...

По прошествии столетия такая реакция впечатлительной «старорежимной» публики не удивляет. Да и мы в XXI веке благодарно аплодируем упомянутой троице, особенно Есенину. Но вряд ли кто-то вправе осуждать Георгия Иванова за то, что он подобных чувств-восторгов не разделял. И причина понятна: у поэтов свои счеты и критерии.

Его стихи временем зрели, крепи, наливались буйной экспрессией, сочились красками-метафорами:

*Как я люблю фламандские панно,
Где овощи, и рыбы, и вино,
И дичь богатая на блюде плоском
Янтарно-желтым отликает лоском.
И писанный старинной кистью бой —
Люблю. Солдат с блистающей трубой,
Клубы пороховые, мертвых груды
И вздыбленные кони отовсюду!
Но тех красот желанней и милей
Мне купы прибережных тополей,
Снастей узор и розовая пена
Мечтательных закатов Клод Лоррена.*

Окутаные легкой дымкой импрессионизма ивановские строфы исполнены хрустальной чистоты, бодряще-студеной свежести: «Заря поблекла, и редеет / Янтарных облаков гряда, / Прозрачный воздух холодеет, / И глухо плещется вода. / Священный сумрак белой ночи! / Неумолкающий прибой! / И снова вечность смотрит в очи / Гранитным сфинксом над Невой. / Томящий ветер дышит снова, / Рождая смутные мечты, / И вдохновения былого, / Железный город, полон ты!»

Воспоминания Георгия Владимировича — богатый кладезь образов, портретов, эскизов. И все — оригинальные, своеобразные. Вот, к примеру, изображенный во весь рост Мандельштам: «На щуплом теле (костюм, разумеется, в клетку, и колени, разумеется, вытянуты до невозможности, что не мешает явной франтоватости: шелковый платочек, галстук на боку, но в горошину и пр.), на щуплом маленьком теле несоразмерно большая голова... Глаза прищурены, полузакрыты веками — глаз не видно. Движения странно несвободные. Подал руку и сразу же отдернул. Кивнул — и через секунду еще прямее вытянулся. Точно на веревочке».

А вот другой рисунок с натуры: «Кирпич в сюртуке» — слово Розанова о Сологубе. По внешности, действительно, не человек — камень. Движения медленные, натянуто-угловатые. Лысый, огромный череп, маленькие, ледяные сверлящие глазки. Лицо бледное, неподвижное, гладко выбритое. И даже большая бородавка на этом лице — каменная».

В 1922 году Иванов эмигрировал. Уже расстрелян Гумилев, умер Блок. Георгий Владимирович мучился одиночеством, у него частенько дрожали руки. Новая власть лишила поэта покоя и веры в хоть какое-то, пусть даже самое скромное благополучие. За границу

он отправлялся по литературным делам, хотя мысль об эмиграции не покидала. Отбывал на немецком пароходе «Карбо-2», с набережной близ Николаевского моста. Покидал Россию налегке, положив в чемодан лишь самые необходимые вещи.

К причалу подходил вместе со старым знакомым, художником Мстиславом Добужинским. Тот не задавал никаких вопросов, а лишь сказал, что и сам хочет уехать из России. Они понимающе переглянулись. Живописец спустя два года также эмигрировал.

Желанного покоя на чужбине Георгий Владимирович не обрел, хотя муза стала к нему еще более благоклонна. В творчестве появилось, как никогда, много трагических тонов и оттенков.

Он бодрился, но тоска одолевала: «Мы должны иметь возможность жить литературой, никакой другой малейшей возможности у нас нет». Работал Иванов постоянно, подолгу, до самоистязания. «У меня стихов, собственно, сколько угодно, но я их рву, чтобы избежать соблазна написать то же самое, т.е. повторить пройденное», — признавался он писателю и публицисту Роману Гулю. Поэт не вымучивал рифмы, они сами являлись к нему. Но когда начинал править, заменяя и переставляя слова, дело стопорилось.

Не в силах приспособиться к заграничной жизни, нервничал. К Франции был равнодушен, да и язык этой страны так и не выучил — просто не хотел говорить ни на каком другом, кроме русского. Мрачно острил: «Французская женщина для

меня — все равно, что пудель какой-нибудь. Ну, лает и лает».

Говорят, ему предлагали новое подданство — отказался. В анкетах на вопрос: «Гражданином какой страны вы являетесь?» — всегда отвечал: русский беженец.

Мне больше не страшно. Мне томно.

Я медленно в пропасть лечу

И вашей России не помню

И помнить ее не хочу.

И не отзываются дрожью

Банальной и сладкой тоски

Поля с колосющейся рожью,

Березки, дымки, огоньки...

В одном из его стихотворений есть такие строки: «Но я не забыл, что завещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами».

Так в конечном итоге и произошло.

И. ОЛЮБИЦЕВА

Археологическая летопись земли Тарской
Сергей Татауров, Филипп Татауров,
Лариса Татаурова,
Сергей Тихонов. — Омск:
Издатель-Полиграфист, 2019.

«Можно сказать, что под площадями и газонами лежат семь древних городов со своей жизнью — событиями, укладами, праздниками и повседневным бытом. От слоя к слою мы наблюдаем, как менялся наряд города — от железной кольчуги к гражданскому платью, от сабли на поясе — к купеческому безмену», — сообщает «Археологическая летопись земли Тарской», книга, увидевшая свет в год 425-летия старейшего города Сибирского федерального округа.

В 1594 году князь Андрей Елецкий получил от царя Федора Иоанновича наказ: «Идти город ставить вверх Иртыша на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести и Кучума царя истеснить и соль завести». Крепость в центре враждебного Сибирского ханства возводили из местного кедра очень быстро, выбрав для нее укрепленное самой природой место. Едва завершив строительство,

русский экспедиционный корпус приступил к активным военным действиям. Вскоре с Кучумом было покончено, но у хана остались жаждавшие реванша сыновья и внуки. Так что первые полтора века истории Тары — это сплошная череда отраженных набегов и ответных походов в степь. «История государства Российского» Николая Карамзина свидетельствует: на протяжении всего XVII века Тарская крепость служила «неодолимой твердыней для всяких бывших кучумовых гнусников». Не случайно посад у нее появился только в XVIII столетии.

Сегодняшняя Тара — удивительно спокойный и живописный городок, который словно наслаждается продолжительным отдыхом после выпавших на его долю бурных событий. Дерево — материал недолговечный, поэтому архитектурный памятник русской воинской славы не уцелел. На месте крепости сейчас находятся администрация, почта и дом культуры. Но постепенно хранящие память о былых событиях артефакты обнаруживают себя — например, три перстня, принадлежавшие европейским дворянам, полякам или литовцам. В местном гарнизоне было много иностранцев. По мнению специалистов, сохранившееся под землей на-

Книга рассказывает о многолетних археологических исследованиях в Омском Прииртышье, важнейших находках и открытиях. Прекрасно оформленное научно-популярное издание демонстрирует, насколько насыщенной событиями была история края, где, по мнению многих обывателей, вроде бы ничего не происходило. Тут строили города и хоронили вождей в царских курганах воинственные саргаты, силой оружия покорившие соседние земли и даже державшие под контролем участок Великого шелкового пути. Золото текло к ним рекой. Кстати, именно сокровища, найденные в саргатских курганах, стали основой Золотой коллекции Петра I, хранящейся ныне в Эрмитаже. Еще в X–XIII веках в Прииртышье имелись и свои крепости, и укрепленные города — в общем, все как в остальной России.

следие сопоставимо с сокровищами Великого Новгорода, Старой Ладogi или Мангазеи. Археологические раскопки в историческом центре старинного поселения ведутся с 2007 года.

— Когда впервые приехал в Тару и мне показывали город, на месте Никольского собора на тропинке, по которой каждый день ходят сотни людей, я нашел серебряный крестик. И сразу понял, что нам стоит начать большую работу, — вспоминает ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, один из авторов «Летописи» Сергей Таураев.

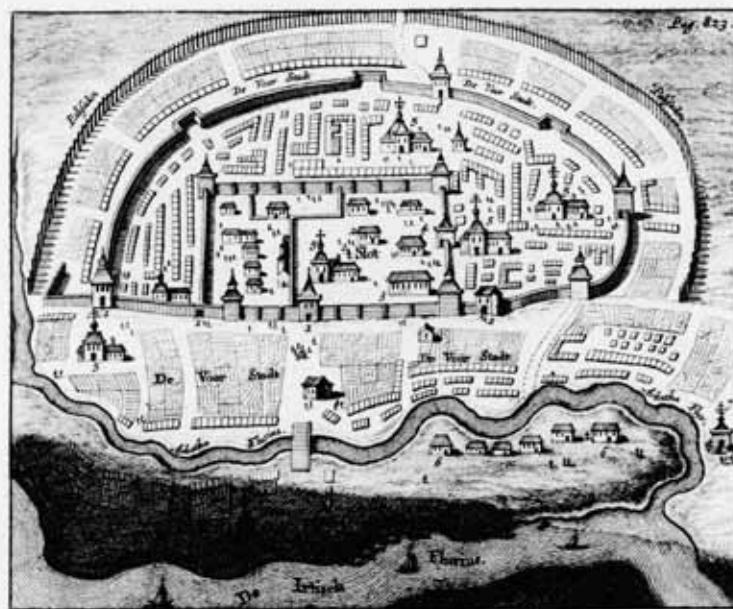
За 12 лет ученые исследовали жилые постройки, фундаменты башен, мастерские. Оказалось, что в Таре деревянные сооружения сохраняются лучше, чем в других сибирских городах. Нашлось множество предметов, позволивших прояснить разные стороны жизни города-крепости, а также некоторые исторические подробности.

Усадьба тарского воеводы оказалась почти такой же, какие строились в европейской части России, необычным был лишь крытый замкнутый двор — соорудить его заставил суровый климат. Избы здесь ставились небольшие, однокомнатные (чем теснее помещение, тем меньше требуется дров для обогрева). Дома с несколькими комнатами появились только в XIX веке.

С самого начала своей истории Тара не только воевала, но и торговала: караваны из Бухары пришли сюда сразу

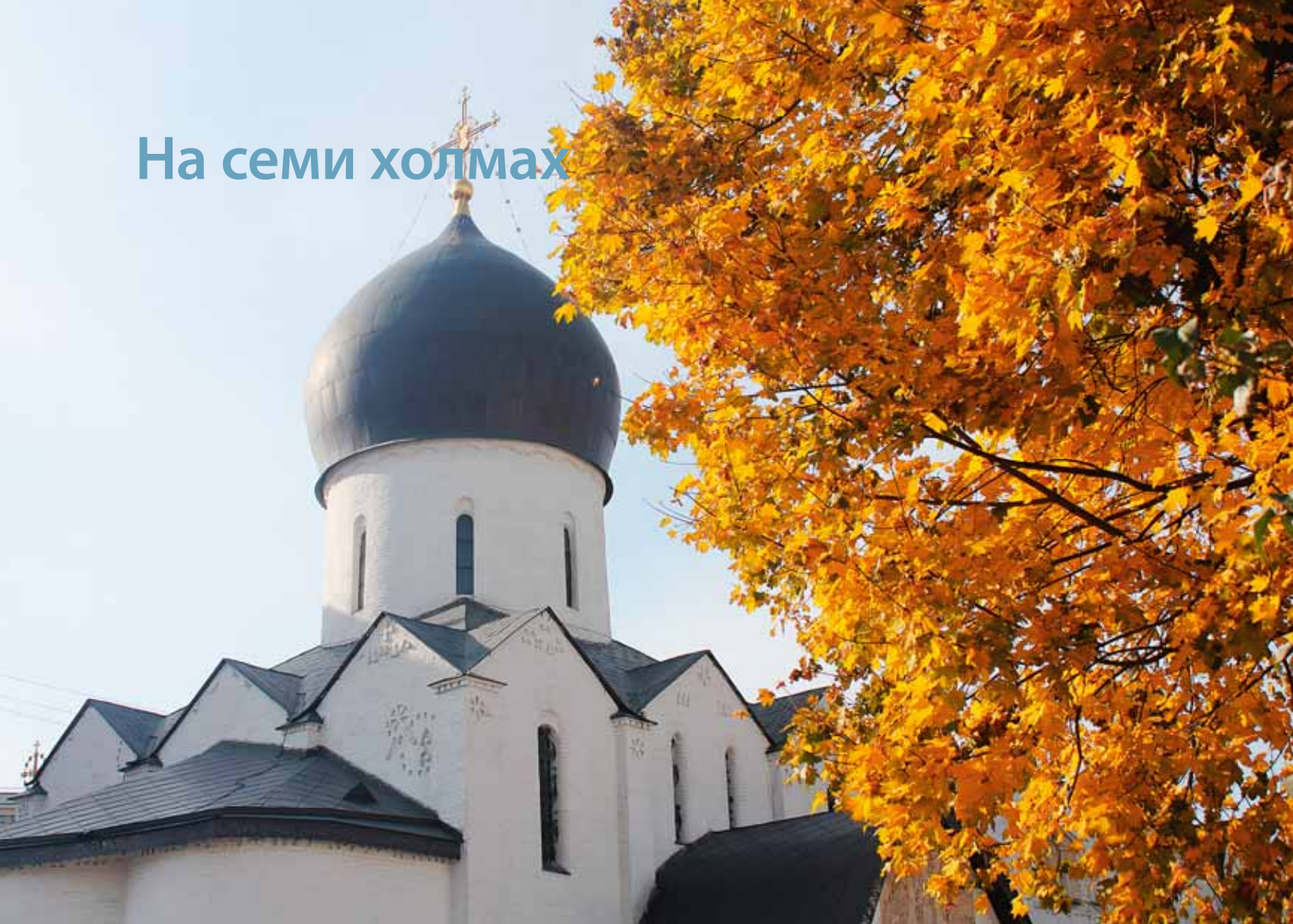
же после основания городка, ведь крепость была возведена на пересечении торговых путей. Уже в 1630 году на тарской ярмарке появилась китайская фарфоровая посуда. Селение отнюдь не походило на оторванную от остального мира глухомань или спартанский военный лагерь. В XVII веке в этом пребывавшем на военном положении пограничном поселении носили модную обувь на высоком каблуке, представители местной знати даже находили время на то, чтобы охотиться с соколом. А как только в Центральной России после петровских реформ появились вилки, их стали производить и здесь.

Многие годы сокровища Тары были доступны узким специалистам, теперь же любой, кто возьмет в руки этот том, может увидеть их своими глазами.

De Stadt Tara. 1. De Stadt Poorten. 2. Commandeurs-huy. 3. Gerechts-huy. 4. Nijver-huy. 5. Grote Kercken. 6. Buischele Kercken. 7. Boden Plaatsen.

На семи холмах

Светлая обитель

Ольга Марьяновская

«Я хочу работать для Бога и в Боге, для страждущего человечества, а в старости, когда мое тело уже не сможет трудиться, я надеюсь, Господь даст мне покой и молитву — о деле, мною начатом. И тогда я уйду из деятельной жизни и буду готовить себя для той, большой обители. Но пока у меня есть здоровье и силы, а кругом столько горя, и шаги Христа-кормчего ведут нас к страждущим — в них мы помогаем Ему. Все очень добры и полны желания помочь, но многие думают, что я взялась за дело, превосходящее мои возможности, — в действительности это не так, я крепка телом и духом и глубоко, бесконечно счастлива в вере», — писала весной 1909-го императору Николаю II его свояченица, великая княгиня Елизавета Федоровна. На тот момент нареченная в честь праведных сестер Марфы и Марии обитель милосердия уже открылась.

В НОВЕЙШИЕ времена эта некогда известная каждому русскому человеку обитель была восстановлена, и сегодня она продолжает заложенные великой княгиней традиции. В доме, в котором жила Елизавета Федоровна, размещается уникальный музей. Особость его в том, что в числе экспонатов есть немало оригинальных, принадлежавших преподобномученице вещей, а значит, следует воспринимать их не только как музейные ценности, но и как религиозные святыни.

Организация дома-музея, по словам его директора Ксении Ткаченко, началась сразу после завершения реставрации обители в 2007–2008 годах. Вот уже несколько лет он принимает у себя экскурсантов.

Две просторные, светлые мемориальные комнаты — приемная и молельная — были воссозданы по архивным фотодокументам. В других залах находятся исторические материалы, рассказывающие о судьбе женщины, которая еще при жизни почиталась как святая, а также о создании Марфо-Мариинской обители и ее многотрудной деятельности.

Осмотр экспозиции начинается, как правило, с главного зала — приемной. Среди представленных здесь снимков особо примечателен тот, на котором запечатлено чаепитие в этих стенах государя с хозяйкой. В витринах — созданные ее руками иконы с вышитыми шелком изображениями Спаса Нерукотворного, жен-мироносиц Марфы и Марии, образ этих праведниц, выполненный Елизаветой Федоровной маслом, духовные книги с автографами, личные вещи.

При рождении ее, принцессу Гессен-Дармштадтскую, назвали в честь далекой прародительницы Елизаветы Тюрингской, весьма почитаемой в Германии, покровительницы Гессена. Деревянная скульптура этой католической святой и переданная Ватиканом серебряная стойка с частицами ее одежды хранятся тут же, в приемной.

В соседнем зале посетители узнают о детстве, юности и семейной жизни Елизаветы Федоровны, рассмотрят ее фотографии разных лет, портреты родителей — великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и Алисы Великобританской.

Решающую роль в воспитании будущей преподобномученицы сыграла мать, которая прививала своим детям сострадание к чужой боли, стремление к бескорыстной и деятельной помощи, регулярно занималась филантропией. Вместе они посещали бедные кварталы, тюрьмы, всюду вникали в проблемы и нужды подданных. Великая герцогиня Алиса основала в городе отделение Красного Креста. После ее ранней смерти забота о юной Елизавете и других внуках легла на плечи бабушки, английской королевы Виктории.

Свадьба гессенской принцессы и великого князя Сергея Александровича состоялась 3 июня 1884-го. После его назначения в 1891 году на пост московского генерал-губернатора супруги проживали в Белокаменной, проводя летние месяцы в подмосковном имении Ильинском. Музейную экспозицию украшают копии акварелей с изображением интерьеров дворца градоначальника (ныне — здание мэрии Москвы на Тверской), портрет Елизаветы Федоровны в придворном платье, написанный Василием Нестеренко.

С самого начала пребывания в России она, «первая красавица Европы», не только блистала в свете, но и весьма активно занималась благотворительностью. По ее инициативе открылась Елизаветинская община Российского Красного Креста. Великая княгиня создавала в Москве приюты для бедных и больных детей. Вместе с мужем, одним из учредителей и первым председателем Императорского православного Палестинского общества посетила в 1888-м Святую землю. Эта поездка и богослужения по русскому обряду на нее, тогда еще исповедовавшую лютеранство, произвели чрезвычайно сильное впечатление, и в 1891 году она перешла в православие. «Только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином», — писала она тогда своему отцу. А зятю, российскому императору, в письме сообщила: «Я наконец решила присоединиться к вашей вере и хочу сделать это к Пасхе, чтобы иметь возможность причаститься на Страстной неделе. Я предпринимаю великий шаг, начинаю но-

НА СЕМИ ХОЛМАХ

вую жизнь, но верю, что Господь благословит такое решение».

После гибели Сергея Александровича от рук террористов (1905) Елизавета Федоровна круто изменила свою жизнь, оставила светское общество, все ценное из того, что имела, продала, а на вырученные деньги приобрела имение на Большой Ордынке — здесь и появилась Марфо-Мариинская обитель.

Это был не монастырь и не община сестер милосердия — в основу духовного устройства религиозно-благотворительной организации была положена существовавшая во времена раннего христианства деятельность диаконис первой ступени. Сюда принимали православных девиц и вдов до сорока лет. Они принесли обеты целомудрия, нестяжания и послушания, носили особую одежду, подчинялись уста-

ву общежительно-го монастыря, посвящали себя социальному служению, но в отличие от монахинь по истечении срока договора могли при желании уйти, создать семью и жить как обычные мирянки.

К 1911 году сестры обслуживали больницу, дом для заболевших туберкулезом женщин, амбулаторию с выдачей бесплатных лекарств, трудовой приют для девочек, воскресную школу для взрослых, библиотеку, столовую и странноприимницу (ночлежку). Во время Первой мировой в обители размещался госпиталь для раненых. В свои лечебные учреждения Елизавета Федоровна привлекала лучших врачей. Насельницы постигали азы медицинского образования и духовного просвещения.

В витринах музея выставлены учебники, по которым они учились, фотографии медиков, больничных палат и врачебных кабинетов. А также — белый апостольник (головной платок) и нагрудный кипарисовый крест. Их носили все сестры и настоятельница Марфо-Мариинской обители. Копии архивных доку-

ментов свидетельствуют об этапах ее строительства и благоустройства. Представлены также фото домовой церкви при больнице 1910-х, проект Покровского храма архитектора Алексея Щусева, портрет распившего подземную усыпальницу Павла Корина, книги «Пояснительное слово великой княгини об обители» и «Наставление духовного отца сестрам».

Духовником великой княгини и сестер был отец Митрофан Серебрянский, окормлявший насельниц вплоть до закрытия обители новой властью. Впоследствии он принял постриг с именем Сергий, был арестован, прошел тюрьму и ссылку. В 2000 году канонизирован Русской православной церковью в лике новомученика. В посвященном ему зале находятся два принадлежавших священнику креста (наперсный, подаренный императором Николаем II, и кипарисовый, из больничного храма святых Марфы и Марии), Библия, Иверская икона Божией Матери (с ней он прошел всю Русско-японскую войну), фотоснимки и другие вещи отца Сергия.

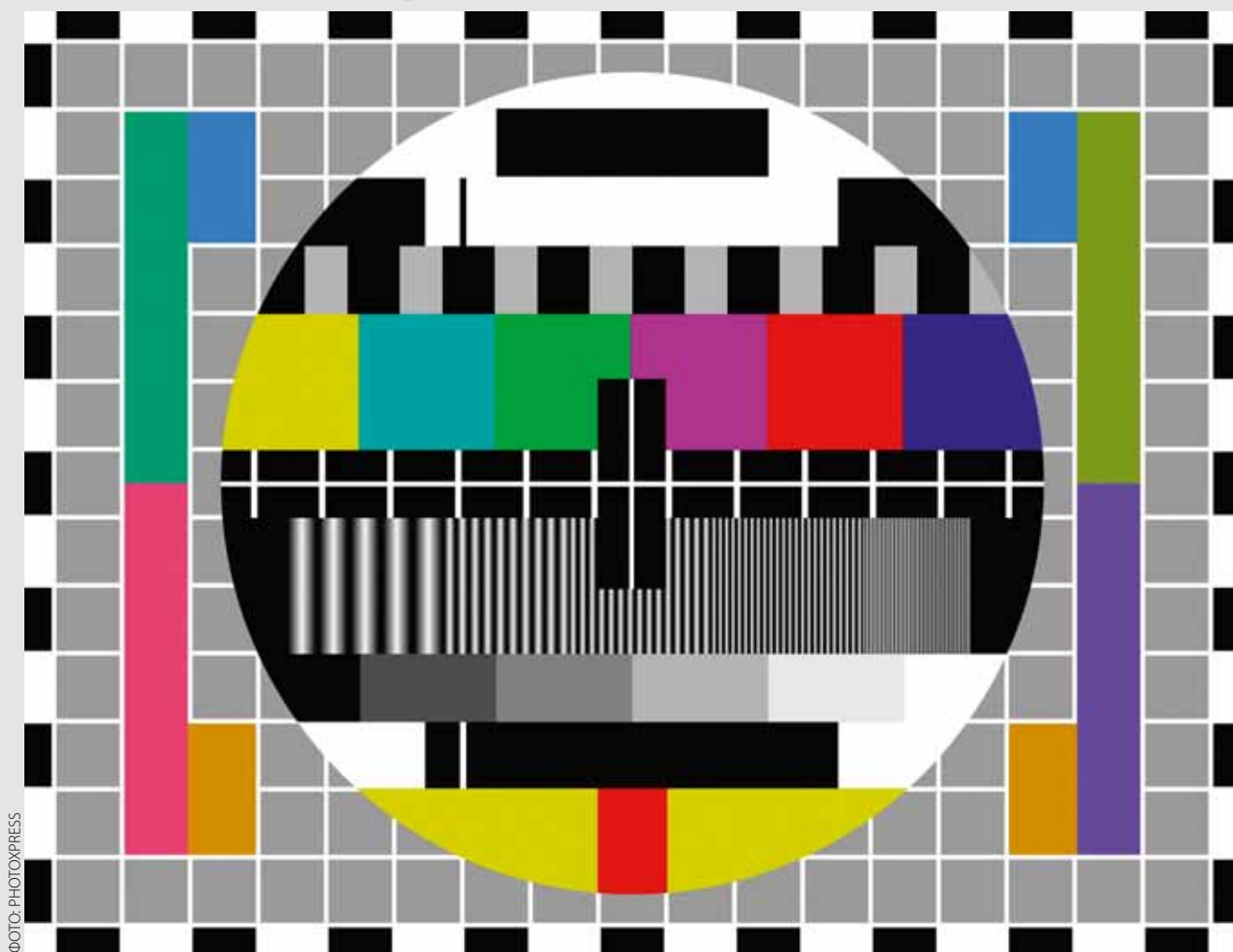
Молельная в наше время была воссоздана по фотографии 1911 года, на которой видна правая часть комнаты. Здесь много старинных икон. Свято-Данилов монастырь передал в дар обители образ матери Иоанна Крестителя праведной Елисаветы с частицей ее мощей. Вероятно, он принадлежал преподобномученице. Инкрустированная перламутром икона «Целование Божией Матери и праведной Елисаветы» также, не исключено, входила в коллекцию великой княгини.

После октября 1917-го она не захотела покинуть свою вторую родину. В музее хранятся связанные с последним периодом ее жизни предметы: перчатка, по преданию, потерянная ею при аресте 24 апреля 1918 года, письмо с последними наставлениями и словами утешения сестрам, написанное по пути в Алапаевск; фотографии представителей дома Романовых и келейницы Варвары Яковлевой, принявших мученическую смерть вместе с Елизаветой Федоровной 18 июля 1918 года. Завершают экспозицию копии документов о закрытии обители в 1926 году и о канонизации Елисаветы Федоровны Русской православной церковью (1992).

Дом-музей Марфо-Мариинской обители проводит групповые и индивидуальные экскурсии. На территории разбит красивый сад, посажены растения, которые любила великая княгиня. Восстановлена когда-то существовавшая альпийская горка, на вершине которой ныне стоит поклонный крест — в основание положена земля с места гибели праведницы. У стен Покровского собора находится памятник Елизавете Федоровне работы скульптора Вячеслава Клыкова.

Побывав тут, посетители ощутят духовную атмосферу легендарной обители, увидят внутри и снаружи дом основательницы. А кто-то помолится у святынь.

Война и мир

Дальновидение для радиозрителей

Ольга Жукова, кандидат исторических наук

Приближающийся 2020-й недавно официально объявлен в России Годом памяти и славы. В череде предстоящих, посвященных юбилею Великой Победы, мероприятий и торжеств не должны быть забыты и те значимые события, которые три четверти века назад происходили на культурном, идейном и прочих «фронтах»...

4 МАРТА 1945 года наши войска вышли в Померании к побережью Балтийского моря, а Финляндия официально подтвердила, что находится в состоянии войны со своей вчерашней союзницей Германией. 6 марта началась крупная операция советских войск при участии 1-й Болгарской и 3-й Югославской армий в районе озера Балатон. В результате противник был вынужден занять оборону, а наши бойцы перешли в решительное наступление.

Аккурат между этими историческими датами, 5 марта 1945-го, председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР Алексей Пузин отправил секретарям ЦК ВКП (б) Георгию Маленкову и Андрею Жданову письмо, в котором обосновал необходимость строительства в столице Радио-дома.

Второе рождение

В том послании Алексей Александрович напомнил партийным руководителям: «До войны были построены два телевизионных центра (передатчики, аппаратные и студии) в Москве и Ленинграде, через которые проводились опытные радиопередачи. Во время войны все работы в области телевизионного вещания были прекращены. Всесоюзный радиокomitee считает необходимым в текущем году приступить к подготовке телевизионного вещания в СССР».

Так в преддверии колоссальных изменений послевоенного мира (очень скоро он разделится на два противоборствующих идеологических лагеря) в Советском Союзе всерьез задумались над тем, чтобы голос Москвы впредь слышала вся планета, а достижения советских граждан видели на всех обитаемых континентах. К привычному уже не только для нашего, но и для европейского радиослушателя позывному: «Говорит Москва!» довольно скоро прибавится «...и показывает».

Тех же, к кому позже станут обращаться «Дорогие товарищи телезрители», еще долго именовали «радиозрителями» — радио и телевидение шли в мирное будущее рука об руку. На Шаболовке, близ знаменитого детища архитектора Владимира Шухова, строился Телецентр, который прослужит стране несколько десятилетий, пока его не сменит на этом ответственном посту Останкинская башня, спроектированная инженером Николаем Никитиным...

Еще в 1944 году в проекте постановления СНК СССР «О фабрике звукозаписи Всесоюзного радиокomitee» особо оговаривался материальный вопрос: «...установить для ведущих специалистов Управления по строительству Радио-дома пять персональных окладов по 3 тысячи рублей в месяц и пять персональных окладов по 2 тысячи рублей

ФОТО: АНАТОЛИЙ ГАРАНИН/РИА НОВОСТИ

Московский телевизионный и радиовещательный центр на Шаболовке. 1939

в месяц». Для их коллег из Телецентра также предусматривались «пять персональных окладов по 3 тысячи рублей в месяц».

Для сравнения: лейтенант, командующий взводом, в то время получал 800 рублей, комбат (майор) — 1100, командир корпуса в звании генерал-майора — 2500 руб. То есть оклады ведущих специалистов были огромны, но и ответственность, которая ложилась на их плечи, соответствовала денежному вознаграждению: в короткие сроки сотворить чудо «дальновидения» для самой большой в мире державы — задача поистине титаническая.

И вот прямо с фронта, а также из закрытых КБ и оборонных заводов отзываются редкие, «штучные» профессионалы. На высоком государственном уровне принимается решение: «Возвратить на работу в Телевизионный центр из армии и других учреждений специалистов, согласно прилагаемому списку».

Особая статья — снабжение. Наркомторг выделяет для спецов продовольственные лимитные книжки, literные продовольственные карточки, абонементы на сухой паек.

Постановление СНК СССР «О восстановлении Московского телевизионного центра» обязывает Комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР к 1 мая 1946-го восстановить и подготовить к эксплуатации (именно так писалось это слово) Московский телевизионный центр.

Неписанные законы военного времени требуют четких, быстрых, решительных действий от министерств и ведомств, включенных в решение задачи создания советского ТВ: «Обязать Комитет по стандартам при СНК СССР в месячный срок утвердить новый стандарт на основные параметры техники телевизионного вещания. Обязать Наркомат электропромышленности провести необходимые работы по реконструкции Московского телецентра». И главное: «К 1 октября 1945 г. разработать образцы телевизионных приемников и приемных установок для клубов и поставить Комитету по радиофикации и радиовещанию к 1 января 1946 г. первую партию приемных устройств в количестве: приемников — 50 штук, клубных установок — 10 штук». Дефицитную для воюющей страны валюту готовы выделить немедля: «Поручить Наркомату внешней торговли СССР закупить в США для Комитета по радиофикации и радиовещанию телевизионную аппаратуру и материалы на сумму 287 тысяч долларов». Тем же

Б. Розинг

ФОТО: РИА НОВОСТИ

правительственным постановлением создается Главное управление по телевидению...

На трех китах

Недавний указ о проведении в России Года памяти и славы наш президент издал «в ознаменова-

В. Зворыкин

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

С. Катаев

ние 75-летия Победы в Великой Отечественной войне». И в то же время — «в целях сохранения исторической памяти». Вспоминая о боевых и трудовых подвигах, совершенных в 1941–1945 годах, не следует забывать и о том, что им предшествовало.

Закономерность становления (по сути, второго рождения) телевидения в нашей стране, причем в самый сложный для государства и народа период, во многом зиждется на парадоксе: первооткрывателями в этом деле по праву считаются трое русских ученых, граждане трех государств — Борис Розинг (Российская империя), Семен Катаев (СССР) и Владимир Зворыкин (США).

Первый из названных и у нас, и за рубежом почитается как основоположник. Еще в начале XX

века, 25 июля 1907-го, он подал заявку на изобретение «способа электрической передачи изображения на расстояние». В 1909–1910 годах получил патенты на свое изобретение в Англии, Германии, России. Вот что вспоминал по этому поводу Зворыкин: «Когда я был студентом (1907–1912), я учился у профессора физики Б. Розинга, который, как известно, первым применил электронно-лучевую трубку для приема телевизионных изображений. Я очень интересовался его работами и просил позволения помогать ему. Много времени посвящали мы беседам и обсуждению возможностей телевидения. Тогда я понял недостатки механической развертки и необходимость электронных систем». И тут же: «Профессор Розинг открыл принципиально новый подход к телевидению».

Первопроходцы вначале называли его «дальновидением» (термин, придуманный Розингом) или «электрической телескопией», и в 20–30-х все еще продолжали поиски «неэлектронных» путей развития нового направления науки и техники. В 1928–1929 годах в США, Англии, Германии, а в СССР с 1931-го началось телевидение с механической разверткой изображения. «Радиозрители» были недовольны картинкой: малый размер, слабая яркость, низкая четкость. Иронизировали: «Аппарат большой, что твой почтовый ящик, а экран — крохотный, с почтовую марку».

К середине 30-х механическое телевидение оказалось вытеснено, наконец, электронным, а изобретатели пришли к пониманию необходимости конструировать передающие электронно-лучевые трубки с важным усовершенствованием — накопле-

нием зарядов (способствует многократному повышению чувствительности телевизионных установок). Авторское свидетельство на схему такой трубки 28 декабря 1930-го получил ленинградский инженер Александр Константинов, но полностью реализовать собственный замысел не смог.

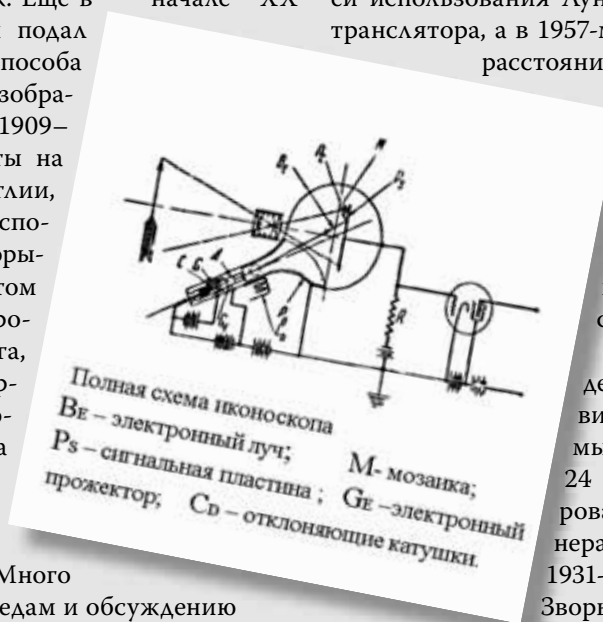
24 сентября 1931-го московский инженер Семен Катаев подал авторскую заявку на свой вариант передающей телевизионной трубки с накоплением зарядов, оказавшийся более технологичным и перспективным. В 1944-м Семен Исидорович с группой соратников предложили стандарт ТВ-вещания на 625 строк, принятый в дальнейшем во многих странах. (В 1949 году он же выступил со смелой идеей использования Луны в качестве пассивного ретранслятора, а в 1957-м для передач ТВ на большие расстояния предложит эксплуатацию искусственных спутников Земли...)

Уехавший из России летом 1917-го и осевший за океаном Владимир Зворыкин свою трубку с накоплением зарядов назвал «иконоскопом».

Сравнивая патентные свидетельства, нетрудно установить ряд других весьма значимых в истории телевидения дат: 24 сентября 1931-го зарегистрирована заявка советского инженера Семена Катаева, 13 ноября 1931-го — «американца» Влада Зворыкина. Авторское свидетельство СССР № 29.865 выдано Семелу Исидоровичу 30 апреля 1933-го, Владимир Козьмич получил патент США № 2.021.907 26 ноября 1935-го.

Они, основоположники, с тех самых 30-х налаживали дружеские контакты, и это несмотря на пресловутый «железный занавес», который с подачи французского премьер-министра Жоржа Клемансо западный мир (а вовсе не Советский Союз) поставил на границах двух политических систем.

В 1933-м советские радиоэлектронщики Сергей Векшинский и Александр Шорин побывали в американской лаборатории Зворыкина. Последний в том же году, а потом еще и в 1934-м гостил на родине, где выступал перед коллегами в Ленинграде и Москве. И не конкурентной борьбой, а своеобразным товарищеским соревнованием выглядят подобные отношения русских людей, оказавшихся в разных частях света. Позже, когда в США из СССР приезжали занимавшиеся закупками электронного оборудования по ленд-лизу специалисты, Зворыкин, по словам профессора Сергея Новаковского, с готовностью помогал

им во всем, будь то знакомство с лабораториями и работами Американской радиокорпорации или заключение выгодных контрактов.

Спор славян между собой

В начале 1980-х в ежемесячнике «Техника кино и телевидения» было опубликовано интервью с Семеном Катаевым, где корреспондент спросил выдающегося изобретателя: «В США и некоторых западноевропейских странах первой передающей ТВ-трубке приписывают американское происхождение. А автором изобретения считают В.К. Зворыкина... Упорное игнорирование некоторыми специалистами за рубежом нашего первенства в изобретении иконоскопа нельзя объяснить плохим знанием исходных источников, поскольку этот вопрос поднимается не впервые и обсуждался не только нашей печатью. Хотелось бы услышать ваше мнение».

Советский ученый ответил предельно деликатно: «В тот момент, когда В.К. Зворыкин подал заявку на изобретение иконоскопа в американский патентный орган, материалы моей более ранней заявки еще не были опубликованы в общедоступной печати. Поэтому то обстоятельство, что американцы считают иконоскоп независимым американским изобретением, не противоречит существующим патентным правилам. Но то, что ими полностью замалчивается известное, более раннее советское авторство, давно уже ни у кого не вызывает удивления. Это не первый случай сознательного замалчивания приоритета русских и советских ученых».

В СССР о создателях ТВ говорили мало — возможно, в силу привычки «не светить» лучшие

ФОТО: PHOTOPRESS

умы страны, работавшие зачастую на оборонку. Однако с начала 90-х наши СМИ все чаще рассказывали о Владимире Зворыкине, причем

как о единственном

«отце телевидения русского происхождения». Забыли, получается, собственных творцов-первооткрывателей?..

А между тем в США создали Русско-американскую палату славы, в которой увековечили память о россиянах, волею судьбы оказавшихся в этой стране. Первым удостоился такой чести Зворыкин. 29 октября 1978 года в Королевском колледже города Флашинга (штат Нью-Йорк) Владимиру Козьмичу вручили памятную медаль и бронзовую пластину, удостоверявшие о присвоении ему звания «Заслуженный русский американец». Его имя занесли в списки мемориальной галереи. «Отцом телевидения», «даром России Америке» по сей день называет Зворыкина тамошняя печать.

На склоне лет творение собственных рук он охарактеризовал так: «Это чудо превратилось

в чудовище, жертвы которого бесчисленны. Оно пожирает за сутки миллиарды человеко-часов, которые лучше было бы потратить на более полезные и приятные занятия, чем на ежевечерние просмотры всех и всяческих передач, зачастую малосодержательных, а то и пустых телеподелок».

Семен Катаев полагал, что телевидение должно быть познавательным, а не развлекательным. Из многих программ выделял свои любимые — «Клуб кинопутешествий», «В мире животных»...

Кстати, сам этот термин — «телевидение» — тоже ведь кто-то подарил миру, не так ли? 27 декабря 1899 года на открытии Первого Всероссийского электротехнического съезда с докладом «Современное состояние вопроса об электровидении на расстоянии (телевизирование)» выступал наш соотечественник Константин Перский. Возвращаясь к этой теме уже на Международном конгрессе в Париже в конце 1900-го, он впервые ввел в научный оборот слово «телевидение» (television). Данное выступление опубликовали в «Трудах конгресса» на французском языке, и с той поры за рубежом уверены, что автор популярнейшего термина — французский ученый Перский...

Американский художник Р. Кент в студии Ленинградского телевидения. 1962

ФОТО: ВАСИЛИЙ ФЕДОСЕЕВ/ТАСС

Kalashnikov — ЗВУЧИТ ДОХОДЧИВО

ФОТО: REUTERS/PIXSTREAM

«Человек-автомат», как его иногда называли, дал свою фамилию огромному оружейному концерну, университету, улицам городов. Именем Калаш в какое-то время стали нарекать детей в воюющих странах Африки. Главное детище оружейника изображено на гербах четырех государств, прославлено в стихах и песнях, признано одним из великих мировых изобретений XX века и уже давно служит популярнейшим национальным брендом наряду с «vodka, balalayka, matreshka». Ставший легендой еще при жизни, получив все мыслимые награды, а также генеральские погоны, он до конца дней оставался исключительно простым, скромным и душевным человеком.

Андрей Самохин

ПРЕСЛОВУТУЮ «загадку Калашникова» пытались разгадать давно, и оттого, что она разгадке не поддавалась, вокруг плодилось множество «версий»: дескать, не мог малограмотный слесарь-железнодорожник придумать лучшие в мире автомат и пулемет; не иначе знаменитый Хуго Шмайссер, вывезенный после войны в Ижевск, помог молодому советскому технарю, а некоторая внешняя схожесть StG-44 и АК-47 — мол, наглядное тому подтверждение. Для тех, кто мало-мальски разбирался в оружии и хотя бы в общих чертах знал биографию Михаила Тимофеевича, эта байка изначально выглядела глупым домыслом, как, впрочем, и утверждение о схожести автоматов. Но до сих пор в нее верят, особенно те, кто склонен считать все русское заимствованным. В мире стрелкового оружия рождалось немало замечательных «стволов», однако лишь единицы становились легендами: зарекомендовавшие себя в дворянских дуэлях пистолеты Лепажя, атрибут ковбоев, бандитов и шерифов, «уравнявший всех в правах» кольт, самая массовая винтовка-долгожитель — трехлинейка Мосина, «революционные» наган и маузер, почитаемый нашими ветеранами «папаша» (ППШ)... В этом славном ряду стоит и калаш.

Чем обусловлена его легендарность? Одна из главных составляющих производственного успеха — массовость выпуска. По некоторым данным, всех вариантов АК (кстати, по международной классификации это штурмовая винтовка) произведено в мире более 100 миллионов единиц. Автоматы и пулеметы Калашникова

Старший сержант Калашников во время работы над проектом автомата АК-47. 1947

ФОТО: РИА НОВОСТИ

стоят на вооружении армий пятидесяти с лишним стран. Ближайший конкурент, американская M16, отстает по этим показателям примерно на порядок.

Самые распространенные, ранние модификации — АК-47 и АКМ — уступали лучшим западным конкурентам по ряду свойств, например по кучности и точности стрельбы очередями. Бесспорным преимуществом оказалась надежность в бою: короткий узел запирания, вывешенный затвор, страгивание (сдвигание) гильзы после выстрела, что исключает

ее застревание в стволе. Исключительная простота конструкции определяла дешевизну производства. Быстро обнаружили себя также неприхотливость, удобство для «пользователей». Сам Михаил Тимофеевич не раз подчеркивал: его автомат «создан простым солдатом для простых солдат».

Классический калаш действительно можно — немного потренировавшись — разобрать и собрать с закрытыми глазами: всех основных деталей — девять штук, а сцеплены они просто и надежно. Конструкция «процает» не слиш-

ком аккуратное обращение, попадание внутрь в полевых условиях влаги и песка. Не то чтобы автомату было все равно, но экстренно решить с ним ту или иную проблему намного легче, чем с другими, более «продвинутыми» его собратьями. Освоить производство АК по лицензии также гораздо проще, чем в случае с М16 или другими автоматическими винтовками.

Впрочем, успех оружейного бренда более всего зависит от практики. И если в корейской войне новый советский автомат тестировался не везде (бойцы Ким Ир Сена стреляли в основном из винтовок и ППШ), то уже во вьетнамском конфликте калашники показали себя во всей красе, недаром американцы стремились заполучить их в качестве трофеев. Ну а после ни одна крупная стычка в Азии, Африке да и в Латинской Америке не обходилась без участия изобретенного Михаилом Калашниковым автомата. Причем иногда его активно использовали обе стороны вооруженного противостояния.

Разработанный для Советской армии как основное стрелковое оружие АК стал фактором международной политики. И бывает нелегко ответить на вопрос, что он, калаш, в первую очередь символизировал? С одной стороны, безусловно, оборонную мощь нашей страны, готовой достойно реагировать на любые внешние угрозы. С другой — освободительное движение стран «третьего мира», стремившихся за счет открытой или тайной поддержки СССР сбросить с себя колониальный гнет и, как говорили в советской печати, «пойти по пути социализма». Автомат Калашникова превратился в символ национально-освободительной борьбы, стал подлинно народным оружием. То, что декларации оказывались нередко лукавством, а «отпор империализму» выливался порой в обычную схватку за власть и бра-

тоубийство (когда «стволы» советского производства или кое-как скопированные с них находились в руках бандформирований), являлось оборотной стороной медали.

Ну а в-третьих, военные поставки и лицензии всегда были важным элементом геополитики. Верховодившие в НАТО ангосаксы в империализме, эскалации и прочих грехах обвиняли нас. Мы соответственно — их. Но, что характерно, и здесь проявляла себя рыночная конкуренция. В отсутствие прямого политического давления предпочтение при закупке штурмовых винтовок в большинстве случаев отдавалось именно калашам: критерий «цена — качество» работал безотказно, и это при том, что на международный рынок поступали партии далеко не последних модификаций.

Первый АК с расшифровкой «7,62-мм автомат Калашникова образца 1947 года» был принят Советской армией на вооружение в 1949-м. И в том же году 29-летнего мастера наградили орденом Красной Звезды и Сталинской премией 1-й степени.

За статус родины легендарного оружия давно спорят Ижевск и Ковров. На «Ижмаше» автомат стал выпускаться массово и претерпел все последующие модификации.

Но перед этим на ковровском заводе, получившем впоследствии имя конструктора Василия Дегтярева, калаш был доведен до ума и отнюдь не без помощи коллег Михаила Тимофеевича, как вспоминал много позже он сам. В конкурсе на замену штатного пистолета-пулемета под промежуточный патрон 7,62-мм сержант Калашников состязался с именитыми и многозвездными оружейниками Георгием Шпагиным и Василием Дегтяревым, а также Алексеем Судаевым, Александром Дементьевым и другими мэтрами. В фаворитах данного «турнира» поначалу он, конечно же, не значился. Однако в итоге тот же генерал Дегтярев честно, хотя и с грустью, признал: новичок превзошел их всех. Справедливости ради отметим, что уверенно лидировавший в том соревновании талантливый конструктор Судаев в 1946-м скоростно скончался. Многие из конкурсных образцов были весьма схожи, что говорит о генеральном направлении оружейной мысли, а не о плагиате, в чем наших ученых, инженеров обвиняют время от времени всевозможные горе-эксперты.

Правда в том, что «феномен Калашникова» почти не содержал в себе признаков чего-то поистине феноменального, исключитель-

ФОТО: МИХАИЛ МЕДВЕДЕВ/ТАСС

В механосборочном цехе Ижевского оружейного завода

РУССКИЙ ГЕНИЙ

ного. Конечно, Михаил Тимофеевич — талантливый самородок, какими никогда не оскудевала земля русская. И все-таки дело тут прежде всего в государственной системе и общественной атмосфере, побуждавших людей, «университетов не кончавших», творить, изобретать. Тогдашнее начальство на всех уровнях к подобным самородкам присматривалось внимательно и не мешкая двигало их вверх.

Следует признать, что природные дарования Калашниковых, Кошкиных, Королевых, Микоянов, а также многих-многих других проявились во многом благодаря советскому строю. Стало бы чудо-мастеров в стране еще больше, если бы не ГУЛАГ и массовые репрессии? Возможно...

Кстати, семья живших на Алтае переселенцев с Кубани Калашниковых не избежала раскулачивания и высылки под Томск, что не помешало чрезвычайно смышленому сыну «лишенца» окончить школу, где он увлекался механикой (и сочинением стихов), вступить в комсомол.

Биография Михаила Тимофеевича хорошо известна. Он написал воспоминания о детских и юных годах: поработав в железнодорожном депо, был призван в армию; в Киевском особом военном округе окончил школу механиков-водителей; осенью сорок первого в составе 108-й танковой дивизии Брянского фронта принял бой, оказался в подбитом танке, был тяжело ранен, получил контузию, а затем две недели с товарищами продирался по болотам из окружения. Немцы поливали их из «шмайссеров», а им и крыть было нечем, и это ощущение бессилия так засело в голову, что в эвакогоспитале в Ельце Калашников принялся набрасывать на клочках бумаги чертежи своего будущего пистолета-пулемета.

Впрочем, первый опыт в изобретательстве у него был еще перед войной: придумал приспособление к пистолету ТТ для более эффективной стрельбы через щели в башне танка. Затем пытливым сибирский паренек решал задачи посерьезнее, те касались инерционного счетчика количества выстрелов из танковой пушки, прибора учета ресурса двигателя. Последняя новация быстро стала известна командующему округом генералу армии Жукову. Наградив изобретателя именными часами, Георгий Константинович командировал его в начале 1941-го в Москву и Ленинград для организации серийного производства механизма.

Буквально по месяцам прослежена эпопея с конструкторской эволюцией пистолета-пулемета Калашникова: в мастерских МАИ, эвакуированных в Алма-Ату, на Центральном научно-исследовательском полигоне стрелкового вооружения ГАУ в Щуровском лесничестве, в отделе изобретательства Министерства Вооруженных сил в Москве. Старший сержант-танкист отныне был нужнее не на фронте, а за чертежной доской и на стрельбище: государство, повторимся,

ФОТО: REUTERS/PIXSSTREAM

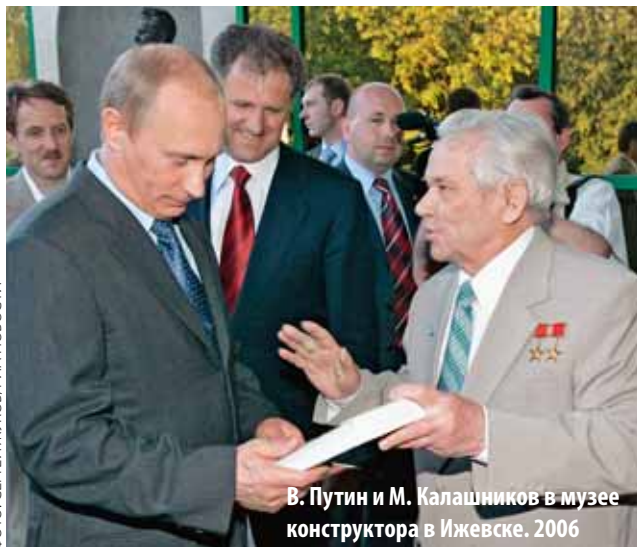

ФОТО: REUTERS/PIXSSTREAM

ФОТО: REUTERS/PIXSSTREAM

ФОТО: СЕРГЕЙ ЖУКОВ/РИА НОВОСТИ

В. Путин и М. Калашников в музее конструктора в Ижевске. 2006

Дочь конструктора Е. Калашникова у памятника отцу работы скульптора С. Щербакова. 2017

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРИФУЛЛИН/ТАСС

умело ценить таланты, особенно в ратном деле. Результаты известны, мы ими пользуемся до сих пор.

Некоторые историки оружия вершиной творчества Михаила Тимофеевича считают не автомат со всеми его модификациями, а ручной пулемет с сошками (РПК). Как бы то ни было, в Ижевске в 1960–1970-е на базе АК-47, АКМ и РПК впервые в мире была создана серия унифицированных образцов стрелкового вооружения, с единым принципом работы и схемой автоматики. Позже на этой же базе КБ Калашникова разработало отличные спортивные и охотничьи «стволы». Достаточно упомянуть лишь самозарядные карабины «Сайга», которые прозвали «гражданскими калашами».

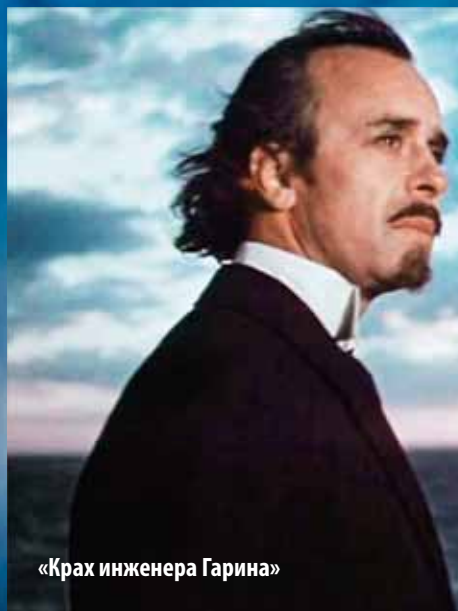
Несмотря на звания и награды, он не заносился, оставаясь очень скромным человеком. Не уставал подчеркивать, что все оружие с его фамилией, начиная с первого АК, плод коллективного труда, всячески выделял коллег и учеников. До самой смерти (2013) жил с семьей в скромной трехкомнатной квартире, на третьем этаже пятиэтажки без лифта. Когда зарубежные корреспонденты интересовались маркой его личного самолета и количеством миллиардов на счетах, конструктор лишь добродушно усмехался.

Задумывался ли он над тем, сколько человек в мире погибло от пуль, выпущенных из его автоматов? Вопрос, который Калашникову в последние годы жизни норовили задать едва ли не в каждом интервью, похоже, сильно его допек. Он регулярно, терпеливо разъяснял, что делал оружие не для агрессии и массовых убийств, а для защиты Родины, но однажды не выдержал и обмолвился: «Лучше бы я изобрел газонокосилку».

За полгода до смерти, на Благовещение, Михаил Тимофеевич написал патриарху Кириллу потрясающе откровенное письмо, где поведал о своих сомнениях. «Моя душевная боль нестерпима, один и тот же неразрешимый вопрос: коль мой автомат лишил людей жизни, стало быть, и я, Михайло Калашников, девяноста три года от роду, сын крестьянки, христианин и православный по вере своей, повинен в смерти людей, пусть даже врага?»

Прочитав все письмо целиком, понимаешь: терзания великою душою человека не имеют ничего общего с примитивным пацифизмом тех деятелей, которые недавно возмущались постановкой в столице памятника создателю «убившего миллионы» оружия.

В 2009 году в интервью газете «Машиностроитель» он высказал слова, звучащие как напутствие всем нам: «Русский народ, как больше ни один в мире, говорит: «Святая Русь». А это значит — боголюбивая, жертвенная, защитница слабых, радетельница за справедливость, но если беда — готовая сокрушить супостата — вот в самой сердцевине какая она, наша Россия».

ЕДИНСТВЕННЫЙ, несравненный, оглушающий

Николай Ирин

В фильме «Дневник директора школы» его персонаж заявляет: «Они думают, что я человек мягкий. А я человек твердый». Внешне субтильному — но не аристократического, а скорее разночинного вида, — с довольно высоким, резким, порой скрипучим голосом, Олегу Борисову, казалось бы, изначально подходил какой-то другой, неброский и непубличный род деятельности. Во всяком случае, не ипостась премьера, лидера, властителя дум. И все-таки ключевое слово в этом допущении — «казалось бы»...

НА БУМАГЕ или в пересказе разглагольствования в духе «плохо они меня знают, уж им покажу...» представляются чаще всего безответственной похвальбой, хлестаковщиной. Вероятно, в устах любого другого артиста подобная самопрезентация звучала бы как рисовка, провоцируя иронично-снисходительный отклик. Но когда нечто подобное — на экране, сцене или в обычной жизни — произносит Борисов, мы безоговорочно верим (Свирид Голохвостый не в счет). Этот великий — а кто-то скажет «гениальный» — лицедей в своей работе постоянно учитывал сопротивление, внутреннее и внешнее. По собственному признанию, всю жизнь доказывал, что он хороший артист. Спрашивается, как же так, его регулярно снимали блистательные кинорежиссеры, Олег Иванович подолгу служил в трех лучших театрах страны, был известен, любим и уважаем не только публикой, но и профессиональным сообществом и при этом испытывал потребность доказывать собственную состоятельность?

Татьяна Доронина, словно реагируя на этот вопрос, отмечает: «Он никогда не вымаливал какие-то награды и какие-то высокие оценки». Получается, доказывал себе и соперничал с самим собой, как те воспетые Достоевским «русские мальчики», важнее всего на свете полагающие для себя разрешение «вечных вопросов»?..

Первый профессиональный триумф обеспечили актеру мальчики розовские, юноши-идеалисты, введенные на сцену замечательным советским драматургом, известные широкому зрителю по теперь уже легендарным экранизациям. Во второй половине 50-х такой герой от Виктора Розова имелся в репертуаре всякой уважающей себя театральной труппы. Не стал исключением в этом плане и Ки-

евский театр русской драмы имени Леси Украинки, в коллектив которого Олег Борисов вошел по окончании Школы-студии МХАТ. Закономерно начав с ролей в массовке, он стремительно набрал высоту и превратился, по единодушному мнению современников, в любимца театрального Киева.

Тогдашняя постоянная партнерша по сцене Ада Роговцева вспоминает его... как «солнечного мальчика», а сам Олег Иванович впоследствии определил свое

«На диком берегу»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Олекса Довбуш»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Дайте жалобную книгу»

«На войне как на войне»

«Проверка на дорогах»

давнішнее ампула предельно лаконично — «проста́к».

Удивительно то, какую методичную работу вел этот жизнерадостный проста́к внутри себя, как он раз за разом норовил переместиться с солнечной стороны на тень (чтобы посмотреть на изнанку мира и понять, наконец, почему человек не довольствуется простыми решениями, но тяготеет к шагам заведомо рискованным). Людмила Гурченко, пристально и любовно следившая за его творческими вехами, свидетельствует: «Он становился все более сухим, все более

молчаливым: экономил себя, свою брызжущую энергетику. В нем появился трагизм — устрашающий, грандиозный трагизм, смешанный с фарсом».

Регулярным путешествиям на край ночи было проще осуществляться под руководством большого режиссера и глубокого человека, каким, несомненно, являлся Георгий Товстоногов. В 1964-м Борисов переехал в Ленинград, пополнив труппу БДТ. Участвовал в таких постановках питерского мастера, как вторая редакция «Идиота» (1965), «Мещане» (1966), «Король Генрих IV» (1969), где практиковаться в смешении трагических нот с фарсовыми обертонами стало особенно удобно. Сенсационное воплощение образа Принца Гарри в шекспировской хронике убедило Товстоногова в том, что Борисова пора переводить из второго состава и с ролей второго плана в премьеры. Его главные триумфы в спектаклях БДТ — «Три мешка сорной пшеницы» (1974), «Дачники» (1976), «Тихий Дон» (1977). Причем за роль Григория Мелехова Олег Иванович удостоился Государственной премии СССР.

Запредельный уровень его киноработ можно вполне почувствовать и спустя десятилетия, а вот в оценке театральной деятельности приходится верить критикам и коллегам на слово. И тут они единодушны.

Анатолий Смелянский: «Он был единственный, несравненный, оглушающий. Этот удар в миллион вольт, это сверхвоздействие!»

Светлана Крючкова: «Он был грандиозный театральный артист, и я считаю, что ни одна киноработа не передает масштаба его дарования. Все-таки экран что-то вуалирует. Его надо было смотреть в театре, где осуществляется непосредственное влияние. Конечно, в театре была его сила! Он владел зрительным залом как Воланд, мог крутить зрителя так, как ему хотелось».

«Театр как искусство начинается тогда, когда исчезают признаки иллюстрации, а начинаются — галлюцинации», — так суть любимой профессии определял он сам.

«Кроткая», сначала поставленная в БДТ (1981, режиссер Лев Додин), а потом в новой редакции на сцене МХАТа (1985), «Дядя Ваня» (МХАТ, 1985), где Борисов сыграл Астрова, «Павел I» (1989, Театр Советской Армии) публику буквально ошеломляли. К концу жизни авторитет этого артиста был непререкаем. Хотя проживи он еще какое-то время, поиск в самых неожиданных направлениях обязательно бы продолжил.

Олег Иванович был человеком Культуры. В школе-студии Художественного его отменно выучили системе Станиславского, и впоследствии Борисов не уставал благодарить тех своих педагогов поименно. В то же время пресловутые «вечные вопросы» не давали ему покоя настолько, что пришлось отказать себе в

праве удовлетворяться актерскими штампами, приемчиками, приспособлениями. Удивительное дело, будучи внешне узнаваемым в каждой роли, он умудрялся полностью перевоплощаться внутренне. Знакомое лицо, привычная пластика, неизменный борисовский голос, но всякий раз — новое содержание. И никогда не играл себя, хотя в любом образе себя помнил.

Борисов много, избирательно и вдумчиво читал. В какой-то момент, по совету своего киевского друга, знаменитого прозаика-фронтовика Виктора Некрасова («у тебя язычок острый, точный»), начал вести дневник, который одновременно является продуктом его внутреннего горения и стенограммой души, а еще — лабораторией творческого, даже философского поиска. Уникальные записи, впервые опубликованные сыном актера Юрием, очень верно охарактеризовал Евгений Миронов: «Этими дневниками Олег Иванович просто убил меня наповал. Прежде всего тем, что он все подробности своих взаимоотношений с артистами, какие-то забавные случаи рассматривает только через призму профессии. И очень честно рассказывает о каких-то нелюбимых вещах и поступках, ведь он был очень принципиальным человеком. Я понял, почему он их вел — хотел помочь кому-то уже после своей смерти. Он прежде всего потрясающе рассказывает о профессии... Он мог бы спокойно жить, работать, подхалтуривать. А он мучился над профессией. Написал свою актерскую систему, как Станиславский или Михаил Чехов... Он как будто перед артистами шкатулочки раскрывает с секретами».

Русская академическая философия, надо признать — в значительной мере эпигонская (все же мы не шибко склонны к отвлеченной умозрительности), зато религиозная мысль и наука о внутреннем человеке, которую вслед за Станиславским развивали наши лучшие театральные практики, теоретики и

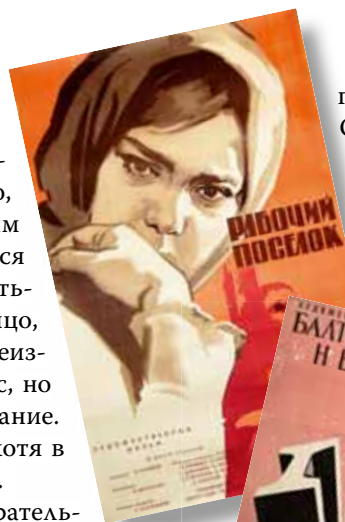
гении сцены, — самого высшего сорта. Размышления Олега Борисова о творческом методе заразительны: читаешь и мысленно вовлекаешься вслед за автором в процесс сочинения образа, тут же спешишь к компьютеру, чтобы отыскать на просторах интернета более-менее полный список ролей мэтра либо уважаемых им коллег, — чтобы в реальном времени уточнить, проверить не проясненные прежде детали.

Борисовская теория — плод работы выдающегося интеллекта. Актер и режиссер, человек редкой начитанности и пронизательности Михаил Козаков после смерти Олега Ивановича лаконично заметил: «Он был очень умен!» Выдающиеся роли Борисова не дают зрителю возможности оторваться от образа, мысленно поделить его на составные части, зато при чтении дневников только этим и занимаешься.

«Прежде чем выплеснуть эмоции — должен быть анализ, — дает он ключ к собственному уникальному методу и своей неподражаемой практике. — Надо знать, как «разъять» роль. Как «поверить ее алгеброй».

Далее следуют изощренные и в то же время четко изложенные технологические стадии: Олег Борисов придумывает героя, привыкает к нему и его же совершенствует, доводя до уровня полнокровного образа.

«Уметь излагать факты просто. Информативно. Особенно важно для связки, чтобы «зацепить» внимание... Куски, поступки не связывать в одну нить. Разрывы в «сквозном действии» во имя «сквозной идеи». Против логики. Шизофрения в микроскопических дозах — если не наигранная, «не специальная»...» — Олег Иванович ищет и, кажется, находит способ художественно освоить трагический материал, по определению чуждый тому настрою, который сопутствует всякому зрителю. С раздерганными чувствами в кино или театр люди, как правило, не приходят. Чтобы добиться психологического соответствия, актеру нужно микроскопическими дозами впрыскивать в игру тревожащие благодушную публику сигналы, подбрасывать ей опасные мотивы, провоцировать ее на нелогичные реакции.

СТОП-КАДР

В собственных дневниках Борисов — не меньше, чем антрополог.

«Превращение роли в монолог, вне зависимости от реплик партнеров. Как будто на исповеди», — в результате его персонаж в кадре доминирует даже в случае контакта с выдающимися партнерами. И здесь нет никакого перетягивания одеяла на себя, ведь Олег Иванович взаимодействует точно и точно, отыгрывает присутствие других героев в высшей степени добросовестно. Налицо — полная победа борисовского метода как многоуровневой психотехники.

Мастер учился не только у звезд сцены и великих русских писателей, но и... у выдающихся футболистов. Так, один из его немногочисленных друзей, знаменитый киевлянин Валерий Лобановский обратил внимание актера на смыслообразующую роль ритма и частный случай бытования последнего — аритмию, которая может пригодиться как в спортивном противостоянии, так и в процессе развертывания художественного образа. Олег Борисов — гений аритмии, любитель вовремя притормозить, как бы немотивированно укрупнив эмоцию или, наоборот, взвинтив темп внутренней жизни своего персонажа.

Это неустанное расширение горизонта восприятия — совершенно в духе тех самых «русских мальчиков» по Достоевскому. В какой-то момент Борисову внезапно понадобился Джордж Баланчин, от которого актер пришел в восторг. Гениальный «формалист» опознал родственную душу в деятеле из совсем иной сферы: «Смотрел балеты Баланчина — на кассете. Позавидовал: оказывается, можно и в театре заниматься «чистым искусством» — только линия, без характеров, без предлагаемых и непредлагаемых обстоятельств. Мы, артисты драматические, никогда не бываем «чистенькими».

Лобановский в тот день, когда они познакомились, читал на заднем сиденье автобуса Гегеля — Борисов выбирал в друзья исключительно таких. Футбольный специалист платил за дружбу изысканными, точечными формулировками: «Сколько можно вы-

ФОТО: МАЛЕКСАНДРОВ/РИА НОВОСТИ

ФОТО: ГАЛИНА КМИТРИЯ НОВОСТИ

работать на поле электричества? Знаешь? А я знаю... только эта энергия механическая, заводная, а у тебя на сцене — чистая, — (стучит кулаком по лбу), — от мысли. Такую энергию выработать на поле пока не удастся... Идея в том, чтобы понять... откуда ты ее в таких количествах получаешь».

Показательно сходство терминологии: драматический актер и спортивный тренер солидарно апеллируют к чистоте — линий, помыслов, душевных порывов. Чем больше узнаешь об Олеге Борисове, тем яснее видятся плоды его неустанной внутренней работы: рядом оказывались только схоже устроенные единомышленники — никаких мутных проходимцев

«Луна-парк»

ФОТО: АБЕЗУКЛАДНИКОВ/РИА НОВОСТИ

«Укротители велосипедов»

ФОТО: ГЕОРГИЙ ТЕР-ОБАНЕСОВ/РИА НОВОСТИ

и коварных манипуляторов. Он по-настоящему берег душу и над нею усердствовал, не допуская ни темных скандалов, ни грязных интриг, ни сомнительных компромиссов. Вот еще одно тонкое наблюдение, сделанное его многократной партнершей в БДТ и кинематографе Светланой Крючковой: «Это был человек с прямой спиной, с чувством собственного достоинства, человек, который не позволял себя унижать... В нем была внутренняя застенчивость».

Главный режиссер последнего десятилетия его кинокарьеры Вадим Абдрашитов заметил: «Это артист, который, когда молчит, — я знаю, про что он молчит». А ведь данные слова свидетельствуют как о высочай-

шем профессионализме, так и об отсутствии в натуре Борисова двусмысленности с лицемерием. Любимая и единственная супруга Алла Романовна как бы подводит итог: «Его было за что любить».

Миллионы соотечественников давно и сердечно любят Олега Ивановича за великий кинематографический труд, который был настолько основательным, качественным и разнообразным, что трудно уразуметь, как актер умудрялся совмещать его с театром, семьей, саморазвитием. «За двумя зайцами» (1961) и «Балтийское небо» (1961), «Дайте жалобную книгу» (1965) и «Рабочий поселок» (1966), «На войне как на войне» (1969) и «Проверка на дорогах» (1971), «Крах инженера Гарина» (1973) и «Дневник директора школы» (1975), «Женитьба» (1978) и «Рафферти» (1980), «Остров сокровищ» (1989) и «Остановился поезд» (1982), «Подросток» (1983) и «Парад планет» (1984), «По главной улице с оркестром» (1986) и «Садовник» (1987), «Слуга» (1989) и «Луна-парк» (1992) — это лишь самые значимые, впечатанные в наше коллективное бессознательное работы гения экранного искусства.

«Если твои фильмы продержатся хотя бы лет десять-пятнадцать, их можно уже сравнивать с примитивной архитектурой, — иронизировал он в дневнике. — Это такие панельные домики в спальных районах».

Оказался прав и ошибся одновременно: почти все перечисленные картины скромны, не отмечены солидными премиями, не особо отличились в прокате. Одни — «мелкотемье», другие — «частный взгляд», третьи — «локальные проблемы». Именно участие Борисова превращает их в грандиозный отчет о напряженной духовной жизни наших предков, отцов и матерей, в тонкое исследование психических универсалий, наконец, в образцовое пособие по актерскому мастерству.

«Панельные домики», надо полагать, простоят очень долго — на честном слове их создателей и на чистой энергии Олега Ивановича Борисова.

«Остров сокровищ»

«По главной улице с оркестром»

Они сошлись: и мед, и пламень

Максим Сырников

В знаменитой гоголевской поэме есть такой фрагмент: «День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку». Современного читателя тут наверняка удивит упоминание некой бутылки: разве можно, дескать, похлебку разливать в посуду для питья. Однако подобное недоумение — прямое следствие того, что мы, к сожалению, во многом утратили кулинарные традиции предков, начисто забыли, что щами когда-то назывались не только сытные кушанья, подаваемые на обед, но и особые виды напитков.

А МНОГИЕ ли соотечественники знают, как приготовить хороший — приятный, полезный, согревающий в холодное время — сбитень? Вопрос риторический — при том, что много веков он считался нашей гастрономической достопримечательностью (иностранцы называли его «русским глинтвейном»).

О том, какое значение имел сбитень в национальном быту, говорит хотя бы популярный лубок 1820-х, на котором изображены русские солдаты с плененными ими Наполеоном. Они его потчуют и приговаривают:

Твое добро тебе приелось,

Гостинцев Русских захотелось...

Вот сласти Русския, смотри не подавись!

Вот с перцем сбитенек, смотри не обожгись!

Сбитень

На 6–8 порций:

- * 1 стакан белого меда
- * 6 стаканов бутилированной воды
- * 2 ч. л. сухой мяты
- * 1 см свежего корня имбиря
- * 1 палочка корицы
- * 3 бутона гвоздики

Сварить его, в общем-то, несложно. Сбитень готовится на основе меда или патоки. Вариантов — великое множество, едва ли не каждый русский сбитенщик в старину располагал собственными рецептами. Главное — помнить, что основное предназначение сбитня — насытить тело и согреть, так сказать, душу в лютые русские морозы, холодные весенние дни-вечера, сумрачно-дождливую осень.

В подогретой воде разведем мед и поставим на небольшой огонь. Добавим мяту, имбирь, корицу и гвоздику.

Доведем мед с пряностями до кипения. Затем уменьшим огонь до минимального и продолжим варить 15 минут. При этом тщательно снимаем пену.

Готовый сбитень процедим. Подавать его лучше горячим.

К. СОМОВ. ЭСКИЗ КОСТЮМА МАРКИЗЫ ДЛЯ Т. КАРСАВИНОЙ. 1924

Своя

НОЯБРЬ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Нарциссы